

ПОЭТЫ -
ПЕТРАШЕВЦЫ

ПОЭТЫ -
ПЕТРАШЕВЦЫ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

О С Н О В А Н А М. Г О Р Ь К И М

**МАЛАЯ СЕРИЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ**

Л е н и н г р а д • 1 9 5 0

ПОЭТЫ-ПЕТРАШЕВЦЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

С о в е т с к и й П и с а т е л ь

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
В. Жданова*

ПОЭТЫ-ПЕТРАШЕВЦЫ

В конце 40-х годов прошлого века русское общество было взволновано так называемым «делом петрашевцев», участников передового кружка русских утопистов-социалистов. Это был второй после разгрома декабристов политический процесс, со всей очевидностью показавший, что в стране растут силы оппозиции и протеста, что реакционный режим Николая I вызывает все большую ненависть к себе в прогрессивных общественных кругах. Передовые люди того времени, возмущенные расправой правительства над петрашевцами, недаром вспоминали тогда о «декабрьском терроре». Некрасов позднее писал в поэме «Недавнее время»:

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор...

Сам Петрашевский признавал себя продолжателем дела декабристов. Разумеется, пропагандистский кружок русских утопистов-социалистов 40-х годов очень существенно отличался от военного заговора декабристов. Но он представлял собой дальнейшее развитие революционной традиции, впитав в себя элементы декабристской программы. Выстрелы на Сенатской площади разбудили Герцена и вслед за ним целое революционное поколение.

В эпоху петрашевцев была еще свежа память о движении 20-х годов. Были еще живы сосланные декабристы, по рукам ходили запрещенные антимонархические и вольнолюбивые стихи. В частности, среди петрашевцев пользовалось большим успехом декабристское стихотворение «Фонарь», которое одно время приписывалось Пушкину.

Друзья! Не лучше ли на место фонаря,
Который темен, тускл, чуть светит
в непогоды,
Повесить нам царя?
Тогда бы стал светить луч пламенной
свободы!

Кружку петрашевцев принадлежит роль промежуточного, переходного звена между первым и вторым этапами русского освободительного движения. Ненависть к деспотизму заставляла их с уважением вспоми-

нать о героической попытке немногочисленной кучки людей свергнуть самодержавие и таким путем добиться благоденствия России. Но, учитывая опыт декабристов, петрашевцы ставили своей задачей длительную пропаганду в массах, стремились расширить круг участников противоправительственного движения. Они представляли собой гораздо более демократическую группу в сравнении с декабристами, страшно далекими, по выражению Ленина, от народа.

Петрашевцы испытали на себе воздействие огненного слова Белинского, которого считали старшим своим учителем. С жадностью восприняв смелые мысли автора знаменитого письма к Гоголю, они явились предшественниками революционно-демократического движения 60-х годов. Характерно, что многие деятели этого движения вышли из кружка петрашевцев, как бы олицетворяя живую связь и преемственность между двумя эпохами революционного развития. Достаточно назвать Салтыкова-Щедрина, передовое мировоззрение которого сложилось в 40-е годы, в период его близости к кружку петрашевцев. Напомним, что Чернышевский в студенческие годы испытал некоторое воздействие идей петрашевцев. Ханыков и Дебу способствовали пробуждению революционного образа мыслей у Чернышевского, указали ему на «множество элементов возмущения» в народе, а также ознакомили его с идеями уто-

пического социализма. После одной из бесед с петрашевцами Чернышевский записал в своем студенческом дневнике 1848 года: «Более всего говорили о возможности и близости у нас революции».

Россия в те годы переживала тяжелый период крепостнической реакции. Лучшие люди задыхались в атмосфере гнета и полицейского произвола. «Положение наше становится нестерпимее день ото дня, — восклицал в письме к Герцену Грановский. — Благо Белинскому, умершему во-время! Много порядочных людей впали в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее. Когда же развалится этот мир?.. Слышен глухой общий ропот, но где силы для оппозиции?»

Грановский не видел сил для оппозиции, между тем революционная мысль в стране пробуждалась и стремительно росла, несмотря на наступление реакции и вопреки ожесточенному противодействию самодержавия.

В России 40-х годов жил и работал великий революционер и трибун Белинский; его пламенное письмо к Гоголю, имевшее такой успех среди петрашевцев, и после смерти самого критика продолжало оказывать мощное воздействие на умы молодого поколения; оно явилось политическим документом, отражавшим настроения многомиллионных масс крепостного крестьянства, и имело огромное революционизирующее значение. В России того времени начинал свою пропаганду Гер-

цен, развертывалась поэтическая деятельность Некрасова, в стихах которого звучал голос возмущения подавленного крепостничеством народа. Великий революционный демократ Шевченко пел гимны свободе и призывал к освобождению от крепостнического и монархического гнета украинский народ. На Украине действовали члены Кирилло-Мефодиевского братства. Деятельность петрашевцев была отнюдь не единичным явлением, а одним из проявлений общественно-политического подъема, одним из показателей роста демократической мысли.

Пробуждению общественно-политических интересов в России соответствовал подъем революционного движения на Западе. Европейские революции 1848 года, так перепугавшие николаевское самодержавие, свидетельствовали о неудержимом развитии революционных сил, грозно наступавших на старый порядок. Правительство Николая I выступило в роли международного жандарма, душителя европейских революций. Понятно, что оно с еще большей решимостью боролось с крамолой в пределах своего государства. Царское правительство недаром устроило комедию суда над петрашевцами, приговорило их к смерти, вывело на эшафот, а затем сослало на каторгу. Жандармы прекрасно понимали всю опасность свободолюбивых идей, угрожавших самым основам самодержавно-крепостнического строя.

Кружок петрашевцев представлял собою противоправительственную организацию, по размаху своей деятельности, по количеству участников, по сознательности политических стремлений не имевшую ничего равного себе в России тех лет. Членов кружка объединяла ненависть к крепостному праву и самодержавию, горячая вера в грядущее счастье и свободу. В стране, где были попраны элементарные права человека, где преследовались разумная мысль и вольное слово, они заговорили о равенстве людей, о человеческом достоинстве, о раскрепощении женщины, о свободной литературе, о счастливом будущем человечества. Одна только пропаганда подобных мыслей воспринималась тогда как прямое потрясение основ самодержавно-помещичьего государства.

Петрашевский был убежден, что настоящее социальное устройство России несовместимо с естественными стремлениями человека, и он страстно искал путей к обновлению жизни. Во время следствия, как говорилось в представленном царю докладе следственной комиссии, «Петрашевский не только не изъяснял раскаяния в поступках, но объявил, что, стремясь к достижению полной, совершенной реформы быта общественного в России, желал стать во главе разумного движения в народе русском». Он был подлинным патриотом и гражданином,

болевшим за судьбу родной земли, угнетенной господством паразитических классов.

Увлеченный социально-утопическим учением Фурье, Петрашевский впадал в крайности и переоценивал практические возможности фурьеризма. Так, он всерьез мечтал жить в фаланстере и даже пытался организовать фаланстер в своей деревне. Утопические теории о мирной организации разумного человеческого общежития, несомненно, ограничивали революционную последовательность тех выводов, которые делал Петрашевский из наблюдений над действительностью николаевской России. Некоторые товарищи Петрашевского не придавали такого значения социально-утопическим системам и шли гораздо дальше в своем осуждении российского режима. Это видно хотя бы из недавно опубликованных показаний некоторых членов кружка. Например, один из них заявил на следствии следующее: «Находясь в связи с людьми, которые не все были приверженцами учения Фурье, но выражали и другого рода идеи, касавшиеся изменений административных и социальных, я опасался скомпрометировать и себя, и учение Фурье» («Дело петрашевцев», т. II, 1941, стр. 322).

Необходимо отметить, что и сам Петрашевский далеко не всегда выступал в качестве правоверного фурьериста, в теоретических суждениях ему удавалось преодолевать

ограниченность учения Фурье. Блестящим памятником деятельности Петрашевского остается знаменитый «Карманный словарь иностранных слов», которым петрашевцы, по выражению Герцена, «удивили всю Россию». Здесь в слове «Нация» Петрашевский утверждал, что «Россию и русских ждет высокая и великая будущность». Эта будущность, по его мнению, может быть достигнута только тогда, когда народ усвоит «всю предшествовавшую образованность» и переживет все страдания «путем собственного тяжелого опыта». Иными словами, Россия должна пережить благотворительную революцию. В этих суждениях Петрашевского нельзя не слышать отзвуки благородных мыслей Белинского.

Передовые представители демократической интеллигенции в лице лучшей части петрашевцев уже подходили к мысли о необходимости сближения с народом, а некоторые из них считали, что необходимо организовать революционный разгром крепостнической монархии. Эта лучшая часть петрашевцев приближалась к революционно-демократическим идеям Белинского и находилась под сильнейшим воздействием великого революционного демократа.

Литературные интересы занимали очень большое место в кружке петрашевцев. Это понятно, поскольку многие его участники

имели непосредственное отношение к литературе: прозаики, поэты, журналисты посещали собрания кружка вместе с учителями, художниками, музыкантами.

Петрашевец Достоевский был уже ко времени разгрома кружка известным писателем, автором «Бедных людей». Характерно, что, сидя в Петропавловской крепости, Петрашевский обращался в следственную комиссию с призывом бережно отнестись к дарованиям своих товарищей. Он писал: «Не забудьте, что большие таланты (талант Достоевского не из маленьких в нашей литературе) — есть собственность общественная, достояние народное».

Еще до ареста петрашевцев бывший участник их кружка Салтыков за свои первые повести «Противоречия» и «Запутанное дело» в мае 1848 года был отправлен в ссылку. Подлинным поэтом кружка, певцом его стремлений был молодой Плещеев — автор книги стихов (1846), представлявшей значительное явление в поэзии 40-х годов. Активный петрашевец Дуров был талантливым поэтом и переводчиком. В настоящей книге представлены также стихи Баласогло, Пальма, братьев Ахшарумовых. Писал стихи участник кружка Катенев и даже сам Петрашевский, но они, к сожалению, почти не дошли до нас. Членом кружка был критик и педагог А. Милюков, выпустивший в 1847 году «Очерк истории русской поэзии», в котором

он популяризировал идеи Белинского. Можно было бы назвать еще некоторых литераторов и журналистов, посещавших кружок или связанных с отдельными его членами.

Петрашевцы придавали большое значение литературе, как действенному орудию пропаганды. Но для того чтобы литература могла выполнять свое призвание — распространять социальные и гуманистические идеи, она должна свободно развиваться в соответствии с потребностями общества. Свободное же развитие литературы немыслимо в условиях цензурного гнета. Поэтому борьба с цензурой и необходимость цензурной реформы выдвигались Петрашевским как одна из самых важных задач, наряду с борьбой против крепостного права и полицейского гнета.

Литературная программа петрашевцев, несомненно, развивалась под благотворным воздействием эстетики и философии Белинского. Ее характерной особенностью было признание общественного значения литературы, высокой роли писателя как учителя общества и пропагандиста передовых идей. Прогрессивный характер движения петрашевцев нашел свое выражение в области искусства в призывах к реалистическому изображению жизни, к высокой идейности, в чем они были последователями Белинского. Литературные взгляды главных деятелей кружка близки демократической теории искусства, основные

положения которой были с исчерпывающей полнотой сформулированы Белинским.

Переходный, промежуточный по своему историческому значению характер деятельности кружка, к тому же еще подавленной в самом начале, разумеется не мог породить такого мощного поэтического движения, какое возникло десятилетием позже. Зрелость политических идей, расширение круга борцов и дальнейшее осознание передовой литературой своей связи с народом привели в 60-х годах к подлинному расцвету демократического искусства. Однако и стихи петрашевцев представляют значительный интерес, поскольку в них нашли отражение и идейные тенденции, лежавшие в основе всей деятельности кружка, и некоторые стилевые особенности, характерные для послелермонтовской эпохи русской поэзии.

Вместе со стихами молодого Некрасова поэзия петрашевцев является составной частью общественно-прогрессивного литературного движения 40-х годов; она представляет собой переходную ступень, как бы подготавливая господство в русской поэзии некрасовской школы.

Поэзия петрашевцев только условно может быть ограничена именами пяти поэтов, являвшихся активными участниками кружка. Идеи, воодушевлявшие петрашевцев, порой захватывали и поэтов, не имевших непосред-

ственного отношения к кружку и в дальнейшем своем развитии оказавшихся чуждыми революции и социализму. Так, будущий славянофил и «почвенник» Аполлон Григорьев, в молодости на короткое время сблизившись с кружком, создал под его влиянием несколько ярких произведений, проникнутых ненавистью к николаевскому режиму («Нет, не рожден я биться лбом», «Когда колокола торжественно звучат» и др.). Даже такой поэт и глашатай «чистого» искусства, как А. Н. Майков, в годы своего общения с членами кружка написал две поэмы («Две судьбы» и «Машенька»), в которых поднялся до социальной проблематики. Таким образом, общение с передовым кружком оказывалось творчески плодотворным даже для поэтов, не разделявших политических взглядов петрашевцев или только на короткое время увлекавшихся ими.

На первый взгляд может показаться странным, что в стихах петрашевцев, собранных в настоящей книге, почти нет собственно-политической лирики, нет прямых обличений существующего строя, которых естественно было бы ожидать, учитывая резкость политических стремлений участников кружка. Если не считать нескольких программных, пафосных стихотворений, в книге представлен главным образом жанр элегического раздумья, небольшой лирической поэмы. Здесь полностью отсутствуют поли-

тическая эпиграмма и сатира. Чтобы понять причины этого явления, надо вспомнить, что мы имеем дело с цензурной поэзией. Публикуемые здесь стихи извлечены со страниц легальных журналов, газет и альманахов («Литературная газета», «Иллюстрация», «Финский вестник» и другие издания 40-х годов). Вполне естественно, что эта легальная продукция поэтов-петрашевцев, — а нелегальная почти не дошла до нас, — лишена острополитических форм выражения. Элегия, нередко пессимистически окрашенная, была наиболее естественным жанром, в котором поэты кружка русских социалистов-утопистов могли выражать свои мысли и чувства, свою неудовлетворенность действительностью.

И тем не менее стихи поэтов-петрашевцев, собранные воедино, представляют собой значительный литературный памятник передового движения 40-х годов и дают существенный материал для его характеристики.

Книга открывается стихами А. П. Баласогло, одного из самых активных посетителей «пятниц» Петрашевского. Его стихи не могут быть причислены к поэзии петрашевцев в строгом смысле, поскольку сборник в котором они впервые появились, вышел в 1838 году, т. е. на 6—7 лет раньше, чем

начались знаменитые собрания кружка. Однако в стихах Баласогло отразились те идейные искания, которые вскоре привели их автора в ряды петрашевцев.

Личный друг Петрашевского, Баласогло принадлежал к числу самых интересных людей в его кружке. В своей «Исповеди» он писал: «Я — коммунист, т. е. думаю, что некогда, может быть через сотни и более лет, всякое образованное государство, не исключая и России, будет жить не случайными и несчастными агрегациями, столплениями людей, грызущихся друг с другом за кусочки золота и зернышки хлеба, а полными и круглыми общинами, где все будет общее, как обща всем и каждому разумная цель их соединения, как общ им всем связующий их разум».

В лирике Баласогло, известной нам по сборнику «Стихотворения Веронова», преобладает одна главная тема: это — одиночество мыслящего человека в обществе бездарных светских глупцов. Поэт ощущает себя чужим в этой среде, он противопоставляет себя знати, свету, всем этим «лицам без голов». Он с презрением говорит о «литературных пигмеях», профанирующих высокое назначение поэта, выдающих свои «альбомные мечты» за истинную поэзию. Он отворачивается от женщины, не сумевшей выделить его из светской толпы. В стихо-

творении «Презрела ты меня» он так рисует образ своего счастливого соперника:

...Какой-нибудь кузен, залетный соловей,
Краса смотров и спесь кавалергардов;
Или поэт в венце из бакенбардов,
Паркетный франт, князь модных рифмачей;
Политик, на балах за картами сидящий,
Оракул мыслящих умов,
Всегда лишь в скобках говорящий,
И дальновидный, и всезрящий
При помощи газет и золотых очков.
Какой-нибудь самодовольный
Мужчина без усов. последней моды фрак;
Философ, что ли, богомольный,
Поэт без рифм. задумчивый дурак —
Иль ниже кто-нибудь...

Эта обличительная характеристика «общества» еще лишена определенной политической окраски. Поэт еще не вступил в открытую борьбу с ним, но осознал его ничтожество; он разрывает с этим «обществом» (см. стихотворение «Раздел») и уходит, оскорбленный и непонятый. Так возникает образ изгнанника, неудачника, странника; типичный вообще для поэзии петрашевцев.

С темой одиночества тесно связан другой мотив стихов Баласогло: выдвижение героической личности, противопоставление гения толпе. Поэт убежден, что в мире лжи и лицемерия благополучное существование обес-

гечено только тем, кто идет давно проторенной дорогой. Но всякий, «кто не пошел, как идут все», неизбежно становится «пасынком природы», ощущает себя «лишним». Только исключительная личность, может быть гениальный поэт или мыслитель, воодушевленный смелой и новой идеей, сумеет преодолеть препятствия, воздвигнутые «обществом» на пути человеческого разума к свободному развитию и совершенствованию.

Разорвет свободный гений
Паутину всех сетей...

«Общество», которое обличает поэт, противопоставлено герою, как сборище глупцов и невежд. Понятие «разум» еще заменяет здесь все социальные категории. В этом культе разума нашла отражение приверженность автора в эти годы к идеалистической немецкой философии, культивировавшейся на страницах «Московского вестника», усердным читателем которого был Баласогло в молодости.

Противопоставление гения толпе в значительной мере является данью поэтической традиции 20—30-х годов. В целом же прогрессивная направленность стихов Баласогло не подлежит сомнению. Характерно, что роль гения, призвание которого — будить умы и жечь глаголом сердца, будущий петрашевец отводит прежде всего Пушкину. Востор-

женное преклонение перед ним выражено в стихотворении «Противоположность», а спустя два года — в большой поэме, целиком посвященной Пушкину (1840). В этой поэме знаменательно осознание автором великой роли Пушкина для русской культуры. Патриотическое чувство, лишенное славянофильского оттенка, переплетается здесь с любовным отношением к великому поэту, «властителю всех дум России», с чувством гордости за русского национального гения.

Описывая похороны Пушкина, автор не только скорбит о погибшем поэте, но и обличает лицемерие его врагов:

Зачем в мундирах, в звездах, в лентах
Идет пешком вся эта знать?
Ей ни в стихах, ни в монументах
Себя пред ним не оправдать...

В этих стихах автор продолжает и развертывает тему лермонтовской «Смерти поэта» («Убит! к чему теперь рыдания...»).

Своеобразным стихам Баласогло, при всей их неровности и риторичности, при всей неоправданной усложненности оборотов речи, затрудняющей чтение и нередко затемняющей смысл, нельзя отказать в большой внутренней экспрессии, эмоциональной напряженности поэтического языка. Эти стихи можно рассматривать как незавершенную, но любопытную попытку создания новой стилистиче-

ской системы, противоречащей общепринятым литературным канонам. По-своему интересны и стремление автора к словообразованиям (впрочем, не всегда удачным) и оригинальные рифмы, необычные для поэтических норм того времени.

Имя Пушкина произносилось с огромным уважением в кружке петрашевцев. Однако в демократической поэзии 40-х годов его влияние обычно тесно связано с влиянием другого гиганта русской поэзии, только что сошедшего со сцены. Обличительный пафос и мятежный дух, ирония и рефлексия поэзии Лермонтова, ее негодующая сила и горький пессимизм во взгляде на современность, наконец ее народные мотивы — все это глубоко совпадало с настроениями петрашевцев. Поэтому-то лермонтовская тема так отчетливо звучит в стихах Плещеева, Пальма, отчасти Дурова. Поэты, связанные с передовым общественным движением, первыми подхватили эту насущную, так необходимую для современности лермонтовскую тему. Ее усвоил также молодой Некрасов — наследник и продолжатель Лермонтова.

В 1846 году вышел сборник стихов А. Н. Плещеева, который можно считать как бы поэтическим манифестом кружка петрашевцев. Статья Валерьяна Майкова, критика, связанного с петрашевцами и входившего одно время в их кружок, тогда же появив-

шаяся в «Отечественных записках», ясно показывает, чем была поэзия Плещеева для лучших людей из кружков русских утопистов-социалистов. «Г. Плещеев, — писал В. Майков, — нередко говорит в своих стихах о самом себе; но это не плаксивые жалобы на судьбу, не стоны разочарования, не тоска по утраченном личном счастье, — нет, это вопли души, раздираемой сомнением, глухая и упорная битва с действительностью, безобразие которой глубоко постигнуто поэтом и среди которой ему душно и тесно, как в смрадной темнице. Он хотел бы выломать железные решетки, отворить двери и окна, чтобы, пропустив в это жилище мрака и зловония живительный луч солнца, благоуханную струю свежего воздуха, дать отогреться и вздохнуть вольной грудью своим страдающим, изнеможенным и бессильным братьям...»

Критик ставит Плещеева в центре современной поэзии, он даже готов считать его непосредственным преемником Лермонтова: «В том жалком положении, в котором находится наша поэзия со смерти Лермонтова, г. Плещеев — бесспорно первый наш поэт в настоящее время...» Эти слова, конечно, выражали отношение к Плещееву целого поколения молодежи.

Одним из первых появившихся в печати стихотворений Плещеева была «Дума», где, подобно Пушкину и Лермонтову, осуждая

постыдное равнодушие своих сверстников «к добру и злу», молодой поэт говорил о пророке, непонятом и отверженном толпой:

Когда ж среди толпы является порою
Пророк с могучею, великою душою,
С глаголом истины священной на устах, —
Увы, отвержен он! Толпа в его словах
Учения любви и правды не находит...

Эти слова приводят на память пушкинские строки о пророке: «Глаголом жги сердца людей» и лермонтовские:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья...

Тема поэта-пророка, усвоенная под прямым влиянием Пушкина и Лермонтова, становится главным мотивом плещеевской лирики. Она выражает прогрессивное понимание роли поэта как учителя общества, она соответствует взгляду на искусство как на орудие переустройства жизни.

Поэма Плещеева «Сон» позволяет говорить о том, что молодой автор не только повторял мотивы своих великих предшественников, но пытался дать свою трактовку темы. Он стремился продолжить Пушкина и Лермонтова. Плещеевского пророка ждут камни, цепи, тюрьма. Но, вдохновленный высокой идеей, он идет к людям:

Мой падший дух восстал... и утесненным
вновь
Я возвещать пошел свободу и любовь...

Здесь нет ощущения бесполезности подвига. Несмотря на все испытания, плещеевский пророк готов попрежнему служить людям. В этих стихах звучит надежда, но тут же возникает и другой характерный мотив — неизбежная гибель пророка.

В творчестве Плещеева находит свое дальнейшее развитие и лермонтовская тема родины. В стихотворении «Отчизна» (1862) поэт тепло и искренне рассказал о своей любви к стране степных просторов, весенних разливов и убогих деревень, где живет вековая мечта о свободе. Было время, его манил «чужбины берег дальний», перед ним рисовались заманчивые картины пышной чужеземной природы. Но когда поэт задумался над «целью бытия» — взор его обратился к отчизне:

Покинул я тогда заветную мечту
О стороне волшебной и далекой...
И в родине моей узрел я красоту,
Незримую для суетного ока...

Поля изрытые, колосья желтых нив,
Простор степей, безмолвно величавый;
Весеннею порой широких рек разлив,
Таинственно шумящие дубравы.

Святая тишина убогих деревень,
Где труженик, задавленный невзгодой,
Молился небесам, чтоб новый, лучший день
Над ним взошел — великий день свободы.

В ранней лирике Плещеева есть и активные призывы к борьбе, обращенные к молодому поколению. Известные стихи «Вперед, без страха и сомненья» сохраняли действительную силу не только для своего времени — их помнили и повторяли революционеры позднейших десятилетий. Чернышевский и Добролюбов, уважавшие причастность Плещеева к делу петрашевцев, особенно сочувственно отзывались об этом стихотворении, в котором были отчетливо выражены идеи и стремления революционеров 40-х годов.

Современному читателю лозунги плещеевского гимна могут показаться слишком общими и неопределенными, однако в свое время, для сверстников и единомышленников поэта, они наполнялись вполне конкретным содержанием. «Любви ученье» расшифровывалось как пропаганда социально-утопических воззрений, «подвиг доблестный» означал призыв к борьбе, к выполнению гражданского долга и т. д.

Творчество Плещеева и других поэтов-петрашевцев сыграло свою роль в развитии русской поэзии и заняло в ней значительное место. Тематика, образы, все поэтические средства, характерные для демократических

поэтов 40-х годов, полностью соответствуют традициям русской гражданской лирики. В поэзии петрашевцев не случайно так часто встречаются то лирический образ странника, то аллегорические образы природы, широко распространенные в поэзии 40-х годов и в своих истоках идущие от Пушкина и Лермонтова. У Дурова мы находим стихотворение, озаглавленное «Странник», у Пальма — «Напутное желание», обращенное к путнику-скитальцу, у Плещеева несколько произведений на ту же тему («Песня странника», «Странник», «Сон»). «Передо мной лежит далекий скорбный путь», — говорит поэт. Это путь общественного служения, путь борьбы и суровых испытаний, иногда завершающийся разочарованием и усталостью.

Весело выходит
Странник утром в путь;
Но под вечер дома
Рад бы отдохнуть.

Тема этой плещеевской миниатюры перекликается с «Горными вершинами» Лермонтова. В поэзии петрашевцев нередко мы встретим узника, образ которого восходит к Пушкину и Лермонтову и получает широкое распространение в прогрессивной поэзии 40-х годов. Назовем, например, стихи об узнике, сидящем за решеткой, у Плещеева («Сосед») и у Пальма («Освобожденный узник»).

Стихи петрашевца А. И. Пальма вообще довольно ярко отражают влияние Лермонтова. Оно сказалось, например, в художественной структуре наиболее крупного произведения Пальма «Сказка про царя с царевной». ¹ К Лермонтову восходят у Пальма мотивы пессимизма и разочарования («Отрывок из рассказа»).

В небольшом поэтическом наследии Пальма представлены главные черты поэзии русских утопистов-социалистов. Здесь и изображение большого капиталистического города с его пороками и противоречиями («Когда гляжу на городские зданья»). Здесь и тема пророка, не понятого толпой, и аллегорически истолкованный пейзаж:

Видишь ли, черная туча по небу несется?
Путник, послушай, ведь завтра иль ныне
Черная туча отрадным дождем разольется —
Легче вздохнешь ты под небом палящей
пустыни.

Существенным моментом является обращение Пальма к народному творчеству, к фольклорным мотивам; пытаюсь создать на этой основе реалистические картины крестьянской жизни, поэт-петрашовец и здесь не избежал могучего влияния Лермонтова. Нельзя не

¹ «Сказка про царя с царевной» напечатана в книге «Поэты-петрашевцы». «Библиотека поэта», (большая серия), 1940. В настоящий сборник не вошла.

вспомнить его «Родину», читая стихотворение Пальма «Русская песня»:

Встречаю весело мелькающие мимо
Березки голые, овраги, мост, ручей,
И грустно-серые, убогие избушки,
И мужичка без шапки, и плетень,
И леса синего чуть видные верхушки,
И сумерек густеющую тень.

Широко используя в своей «Сказке» темы и образы русских сказок, Пальм написал несколько стихотворений в духе народных песен, весьма близких по настроению к песням Кольцова. Некоторые стихи Пальма прямо предвосхищают Некрасова. Таковы «Русские картины», где изображена доля русской женщины-крестьянки; таково стихотворение «Обоз», подкупающее простотой и правдивостью изображения крестьянской жизни.

Народно-песенные мотивы в лирике Пальма позволяют отнести этого поэта-петрашевца к числу предшественников демократической поэзии 60-х годов, участвовавших в процессе формирования ее народного некрасовского стиля.

Нам остается сказать несколько слов о включенных в книгу стихах Д. Д. Ахшарумова и С. Ф. Дурова. Немногочисленные стихотворения Ахшарумова написаны в заточении, в каземате Петропавловской кре-

пости. Они представляют интерес главным образом как правдивые документы, характеризующие взгляды одного из видных петрашевцев, весьма радикально настроенного и считавшего себя убежденным фурьеристом. Именно так рассматривал свои стихи и сам автор, позднее включивший их в книгу воспоминаний о молодости.

В стихах Ахшарумова, весьма слабых в художественном отношении, мы находим достаточно определенно выраженный протест против социальной несправедливости. Некоторые его стихи интересны как вполне точное воспроизведение социально-утопических идей, которыми увлекались члены кружка. Одно из стихотворений Ахшарумова («Земля, несчастная земля») является почти дословным рифмованным переложением его речи на обеде, данном петрашевцами в честь Фурье.

Прогрессивная идеология 40-х годов нашла органическое выражение в лирике петрашевца Дурова, возглавлявшего наиболее радикальную часть кружка, пробывшего несколько лет на каторге. Большую часть его поэтического наследства составляют переводы французской политической поэзии. В творчестве Гюго, Барбье, Беранже Дуров находил идеи и темы, близкие и понятные своим читателям. Вот почему переводы надо рассматривать как органическую часть его литературной деятельности.

Дуров был первым в России переводчиком Барбье, пользовавшегося большой популярностью среди петрашевцев. Барбье, по определению А. Милюкова, — поэт, «выставляющий на позорище общества гной душевных ран его, с неумолимым проклятием к эгоизму золота, с железным словом грозной сатиры и энергическим могучим стихом...» Именно так понимал значение своего любимого поэта и Дуров. В переводах, впрочем, нашли отражение и противоречия творчества Барбье, связанные с его политическими колебаниями после июльской революции 1830 года.

Пламенные строфы Барбье, мужественная лирика Гюго с ее гуманным сочувствием обездоленным помогали Дурову выражать его собственные демократические и оппозиционные настроения. Утверждая свой идеал высокого назначения поэта, он вслед за Барбье рисовал суровый облик Данте, поэта-гражданина и борца. Идея освобождения поращенной родины привлекла Дурова в его переводе поэмы Барбье «Княйя», в которой с большой силой изображены страдания итальянского художника Розы, изгнанного из родной страны «ненавистными пришельцами». Знаменитый художник обращается к простому рыбаку, видя в нем олицетворение неисчерпаемых сил, таящихся в народе:

...Народ всегда надежен,
Народ всегда — хорошая земля,

Удобная к богатой разработке;
Земля, в которой вечно бродит
Могучий сок, всему дающий жизнь...

Дуров читал свой перевод на собраниях кружка русских утопистов-социалистов. Эти стихи пользовались там особенным успехом именно потому, что в них говорилось о необходимости единства с народом в борьбе за свободу.

Многие другие вопросы, волновавшие передовое поколение той эпохи, также находили свое отражение в переводной лирике Дурова. Таков вопрос об ответственности общества за моральное падение женщины, таково обличение паразитизма господствующих классов («Не насмехайтесь над падшею женой» Гюго и др.).

Для понимания творчества Дурова существенно стихотворение «Анакреон», в котором выражено его отношение к современной литературе; ей противопоставлена в образе Анакреона счастливая поэзия «детства человечества». Было время, когда поэзия, молодая и светлая, воспевала радости жизни:

А ныне от певцов не те мы слышим звуки.
Их струны издают порывы тайной муки,
Негодование на жизнь и на судьбу —
Сомненья с истиной тяжелую борьбу,
Души расстроенной тяжелые болезни:
Для современников полезны эти песни...

Сам Дуров и был таким певцом, негодовавшим «на жизнь и на судьбу». Мрачная действительность крепостнической России не только его заставляла проливать слезы горечи и возмущения: «нет ни одного замечательного русского поэта последнего времени, который бы остался совершенно свободен от этого мрачного настроения, который бы не принялся заживо хоронить себя». Так писал Добролюбов в статье о Плещееве, находя, что за мрачными или грустными мотивами русской поэзии большей частью скрывается «воплъ энергической, действительно сильной натуры, подавляемой гнетом враждебных обстоятельств».

В стихах Дурова указаны причины его пессимизма:

Куда ни подойдешь, куда ни кинешь взгляд,
Везде встречаются то нищих бледный ряд,
То лица желтые вернувшихся из ссылки,
То гроб с процессией, то бедные носилки...

Вот откуда эти ноты глубокой грусти, это разочарование в жизни, так напоминающие Лермонтова и выраженные в таких стихах Дурова, как «Сонет», «Что в жизни, если мы не любим никого»; это последнее стихотворение близко по мысли к лермонтовскому «И скучно, и грустно».

Любовью к человеку, обреченному на страдания в мире, где царствуют зло и не-

справедливость, продиктовано одно из лучших стихотворений Дурова «Когда трагический актер», родившееся из лермонтовского образа. Стихи Лермонтова «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой», трактующие тему одиночества поэта (и, кстати, снабженные эпиграфом из Барбье), заканчиваются необычайно сильным аккордом:

Поверь: для них смешон твой плач
и твой укор
С своим напевом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным.

Образ трагического актера, только не с мечом картонным, а в «мишурной мантии Гамлета», перешел в стихотворение Дурова и помог ему создать смелое обличение «толпы», льющей слезы «перед фиגляром» и равнодушной к общественным бедствиям.

Тема странника, бредущего по миру, листка, гонимого бурей («Листок»), тучи, мчащейся подобно изгнаннику («Туча»), — все эти поэтические аллегории, продолжающие лермонтовскую традицию, подчеркивают элегический характер стихов Дурова, придают им задумчиво-грустный оттенок:

От родной семьи изгнанник,
Ты куда несешься, странник?
Где, скажи, в краю каком,
Колыбель твоя и дом?

Дожив до 60-х годов, Дуров не принял участия в поэтическом движении этой эпохи, хотя несколько его стихотворений и появилось в некрасовском «Современнике». В силу разных причин он остался в стороне от основной линии развития революционно-демократической литературы, в то время как Плещеев сблизился даже с вождями революционной молодежи — Чернышевским и Добролюбовым. Но тем более интересно подчеркнуть, что именно в начале 60-х годов Дуров написал, может быть, единственное свое оптимистическое стихотворение («Н. Д. П-ой»), в котором звучит и вера в будущее торжество революционного дела, и сознание пользы, принесенной его поколением — поколением русских утопистов-социалистов 40-х годов.

Поэзия занимала большое место в кружке передовой молодежи 40-х годов: она облегчала выражение протеста против мрачной действительности, она звала вперед, помогала выразить новые чувства, формировавшиеся в новом типе человека, выходявшего на арену большой общественной деятельности. Главные идеи, вдохновлявшие передовое движение 40-х годов, нашли достаточно полное и разностороннее отражение в поэтическом творчестве членов кружка Петрашевского. Борьба с рутиной и обличение света у Баласогло, горячие призывы Плещеева

в защиту угнетенных, социально-утопические мечтания Ахшарумова, народные мотивы в стихах Пальма и, наконец, гражданская скорбь и лирический пафос Дурова — так складывается линия одного из существенных направлений в демократической поэзии 40-х годов.

Творчество петрашевцев, несмотря на все присущие им недостатки и противоречия, занимает свое место в истории русской гражданской лирики; оно служит связующим звеном между двумя эпохами в развитии нашей литературы, помогая нам уяснить себе переход — в большой поэзии — от Лермонтова к Некрасову. В этом его историко-литературное значение.

В. Жданов

А. П. БАЛАСОГЛО

ПРОРИЦАНИЕ

Однажды, зимнею порою,
Тянулась ночь по тишине
И очи сонной пеленою
Не покрывала только мне.
Я был бессонницей размучен,
Глаза смежал и открывал, —
Вдруг слышу: «Будь благополучен!» —
Мне дух невидимый сказал.
Кто здесь? — Могильное молчанье.
Забилось сердце у меня;
Но я, свой ужас отжени,
Свое услышал восклицанье:
Зачем ты здесь? — я закричал,
Желая странность эту сведать.
«Твою судьбу тебе поведать, —
Мне дух уныло провещал. —
Ты будешь жить без наслажденья,
Чтоб приносить его другим;
Но и зато без сожаленья
Ты будешь ими же гоним.
Тебе стороннего участия
Не дан врачующий бальзам;
Но все малейшие несчастья
Ты живо вычувствуешь сам.

Ты будешь истину с укором
И петь и молвить там и тут,
И люди общим приговором
Тебя невеждой нарекут.
За ум насмешливый врагами
Тебя судьба обременит,
Но и с немногими друзьями
Она тебя разъединит.
Среди рассеяния света
Ты будешь думать об одном;
Попросишь помощи, совета —
Тебя попотчуют вином.
Ты для людского наученья
Все муки должен испытать;
Но, чтобы радость описать,
Тебе дано воображенье.
Ты станешь холоден и тверд,
Отвергнешь светские забавы, —
И скажут: «Он несносно горд,
Он ищет странностями славы!»
Любить ты будешь горячо —
Тебя отринут хладнокровно
За то, что юное плечо
Без знака доблести чиновной.
И будет жизнь твоя тобой
В уединеньи проводима,
И ты ж, растерзанный толпой,
В ней прослывешь за нелюдима.
Ты посмеянье обретишь,
Не обретая состраданья,
И в раннем возрасте умрешь,
Воспев глупцам свои страданья.

Вот все, что ждет тебя вдали:
Так изрекли судьбы уставы;
Но ты все бедствия земли
Снесешь и выдержишь — для славы!»

Умолк мой дух, и я спросил:
Но где же слава, дух могучий?
Он, улета, заключил:
«Твои дела и век грядущий! . »

1838

РАЗДЕЛ

Вам жизнь, вам бал, о дети суеты,
Вам люстры свеч, вам яркие наряды,
Оркестр смычков, сиянье красоты,
И запах роз, и вальс, и галопады.
Вам до утра кружиться в вихре игр
И отдыхать в объятьях тихой неги, —
Мне мысль и мир. Я в вашей клетке тигр.
Я рвусь от вас в далекие набег!

Ваш слух в ногах; мне ж слышен у окна
Унылый вой осенней непогоды, —
И я не там, где, ярая, она
Бунтует лес, бичует в пену воды?..
Вы вечно все, где ваша суета,
Где сад иль зал, где весело и много,
Где тонет ум, щебечет острота,
Ханжит разврат, приличье смотрит строго.
А я — туда, где мир и нем и пуст,
Бреду один, под гулкий свод развалин,
Куда в окно заглядывает куст,
И Феб то скрыт, то блещет из прогалин;
Туда, где спит мятежный океан
Под сенью туч, нависших балдахином;
Где, как пророк, бушует ураган

И стонет хлябь, как чернь под исполином;
Где я стыжусь, когда в ночной тиши
Все небо звезд глядит в ручей со мною,
Что я искал для взора и души
Лазурь очей, звездащихся душою!..

Я вам не друг; скорей я друг ручья:
Он не мирит ласкательством небрежным
С умом толпы, с задачей бытия;
Он сам журчит роптаньем безнадежным.
Я друг всему, что дышит и болит,
Меняя вид в однообразном ходе,
Что о былом безмолвно говорит,
Что знак уму, что мысль в живой природе.
Но вам — я чужд. Возьмите жизнь и бал!
Моя же мысль несется в глушь скитанья:
Ей душный гроб — набитый вами зал,
И вечный пир — в чертоге мироздания.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Русский дух

Родина, матушка! Бог с тобой, ты ли?
Здравствуй, кормилица-Русь!
Что же мне дядьки да няньки твердили,
Будто я немцем вернусь?
Много гостинцев привез я, родная!
Сказок-то, сказок-то!.. век не прочесть,
Русская мысль моя та ж, невредаемая:
Дядьки же — немцы, так немцы и есть!
Понавидался я дикой их расплоди!
Многое множество перенял штук;
Понаметался я, слава те, господи,
Разной их мудрости, всяких наук.
Но ни науки, ни хитрости разные
Сердце не сдвинули с места во мне.
Ум — весть уму; но инстинкты-то грязные
Больно противны в чужой стороне.

Видел я Францию — чудо чудовое! —
Наша губерния, много что две;
Славное племечко! Жаль — безголовое;
Есть ведь их братии в мати-Москве!
Видел Неметчину — там, вместо кофия,

Дуют всё пиво, по-ихнему «Bier».
А знаменитая их философия —
Просто из грецкой подкладки мундир.
Видел и Англию — оба парламента
Взял в руки — как бишь? — да,
О'Кониэль!

Там, вишь, политике нет департамента;
Там она всякому то же, что «Ale».
Был и в Туретчине — что за оказия? —
Турки-то, право, ну, то же, что мы!
Только там всё еще — сказано: Азия! —
Царство и чалм, и бород, и чумы.
Был я, — да где я, родная, не странствовал!
Только нигде не нашел я страны,
Где б ум был волен, <где б царь не
тиранствовал>,

Где бы все совести были равны.
Люди повсюду ежи себялюбия,
Всюду безмозглые жертвы страстей:
Бьются из праздности все трудолюбия,
Все их нечестия из-за честей.
Все от востока до запада мнения —
Те же химеры бессонниц иль сна;
Вся философия — план заблуждения,
Лодочки в море без бухт и без дна.
Наша планета — престол человечества, —
Полно, не тартар ли высших планет?
Нашей душе далеко до отечества,
Мысли же нашей нигде его нет.
Страждем и ропщем мы все без изъятия,
Бьемся — и что же? — в итоге с нулем
Две-три гремушки да гомеопатия;

Впрочем, все так же и мрем и живем.
Стонет весь шар наш; но много ли
разности
В жизни его или звезд, например?
Мир есть гармония в разнообразности;
Жизнь — стон существ — атмосфера всех
сфер.
Что же нам делать? — Не просто ль
по-нашему
Жить на авось ли, спустя рукава?
Если живется вам, немцы, по-вашему —
С богом! А нам — лишь росла б трин-
трава!
Ну, узнаешь ли меня ты, родимая?
Вот какой мудрости я понавез!
Всё ли здорова ты, богохранимая?..

Р у с ь

Много ли радости! Мало ли слез!

Д у х

Знаю, всё знаю! У нас, за границею,
Только и пишут, что всё про тебя,
Плачь да крепись! — А воздам
я сторицею,
Если поднимут меня из себя!

А. Н. В.

Я был тогда еще ребенок
И в городке глухих невежд
Вертел, утрюмый дикаренок,
Калейдоскоп своих надежд,
Когда, гуляя да мечтая,
Я вдруг подслушал у молвы,
Что есть поэт Бахчисарая,
Кавказ, Триторское и вы.
О, как я бросился в расспросы,
Как стал просить, искать стихов!
И вот, на жаркие упросы
Мне сдал журналы весь Тучков.
Тогда всходил «Московский вестник»
Витией славы на амвон
И «Телеграф», его совместник,
Еще был молод и учен.
Тогда еще жужжала скромно
Свои суждения «Пчела»,
Злой «Инвалид» хромал бездомно,
Сбираясь бить из-за угла,
И, вероятно, строя куры
Всеми Парнасу наших муз,
Учил афишечный наш вкус
Ждать «Новостей литературы».

И много было всех имен
В ту благодатную годину:
О многих нет уж и помину,
Другие ждут иных времен.
Что до меня, в то время славы
Я привязался всей душой
К Москве и к «Вестнику»; но нравы
Уж там не те, и я другой.
Тогда не то: там был властитель
Всех дум России, всех сердец,
Мой дальний идол, мой учитель,
Он, незабвенный наш певец!
Он, светозарный ум народа,
Несоблазнимый бич толпы,
Могучий гений перехода
С одной тропы на все тропы!
Он, дикий вопль, смягченный думой,
Высокий гимн в чаду пиров,
С душой то страстной, то угрюмой,
И с дивной музыкой стихов.
Каким обдуманым призываньем
Сияла мысль его чела!
Каким уверенным шаганьем
Он шел, сознав, что Русь пошла!
Как волновал он силой звуков
Все поколение вперед,
И сколько нас и сколько внуков
Еще он двинет в новый ход!
Я упивался одиноко
Его тиртеевским умом,
Когда безгранно и глубоко
Страдал и жил его стихом.

То умиление молитвы,
То необузданность любви,
То гвалт пиров, то клики битвы
Рождали жар в моей крови.
Я весь дрожал, не чуя сердца,
И замирала голова,
Когда объяли нововерца
Его волшебные слова.
В моих глазах рябило счастьем,
Приятно-сладостным вдали,
Мир цвел несбыточным участием,
Кивала другом чернь земли,
В ушах органно выли шумы,
Трещали трубы, я скакал...
И всё-то песни, — всё-то думы
Я пел, и слушал, и слагал.
О, было время, гимн пророка
Творил пророка из меня,
Душа стонала без упрека,
И я, горя, молил огня.
Но что ж? Влюбленный в этот
«Вестник»,
Приют их всех, его родни,
Я стал их друг, их брат-ровесник,
И вот я здесь — а где они?
Где мой волшебник, мой Языков,
С разгульной чашей, с красотой,
С цевницей песен, с пиром кликов,
С своей тригорскою душой?
Где Веневитинов? — угрюмец,
Философ жизни в двадцать лет,
Он, сырой в мире вольнодумец,

Осиротивший мир и свет!
Где грустный демон Подолинский,
С глухим гудением стиха?..
Где Баратынский — Баратынский,
Ум, падший ангел без греха!
Где Хомяков, младенец веры,
С живой мелодиею строф?
Где русский Мур, ирландской сферы
Всегда задумчивый Козлов?
Где Ознобишин, мой восточник,
Игривый, страстный, полный сил?
Где этот Дельвит, полуночник?..
Увы, как много уж могил!..

Давно ль они горели славой,
Гордились гением-вождем
И все рвались душою-лавой
«Промчаться с громом и огнем!»
Давно ли хлынул в мир широко
Их целый Нил — за валом вал, —
Животворя всю Русь далеко
От финских и до крымских скал?
Давно ль, гремя в стране-равнине,
Их хор в ней поднял эхо-стон,
Еще стоящий и поныне,
Когда их песнь едва ль не сон?..
И вот их нет. Учитель умер,
И школа тихо разошлась.
Журналы пали: каждый номер
Сбывается нагло желчь и грязь.
Литература стала рынок,
Где все продажно — ум и яд,

Позор фигляров, гуд волюнок
И вой раздавленных ребят.
За тьмой возов не видно храмов,
И вместо гимнов и молитв
Стоит содом от буйных хамов
И сплошь азарт кулачных битв!..

Теперь я понял превосходно
Ту раздражительную грусть,
Какой дышал он благородно,
Учимый Русью наизусть.
Вот он зачем, вплетаясь

в братство

К паркетной черни, целый век
Ценил в душе аристократство,
Хоть был и русский человек.
Его рассудку было стыдно
Тонуть в ничтожестве певцов,
Ему убийственно обидно
Казалось братство гаеров.
Он боязливо ненавидел
Нагое равенство людей,
И в мышцах гадов гений видел
Всю нищету своих идей.
Спасая честь своей особы
От пятен давки без борьбы,
Когда вокруг медузы злобы, —
Один эгид — свои рабы.
Но мог ли б он, дитя свободы,
Скликать готовых в кабалу? —
Он, воплощенный гнев природы
На скопы рабствующих злу!

И вот ему осталось средство,
Исчезть в толпу друзей на вы,
Чтоб сохранить и мысль и детство
Уже лавровой головы.
И выбрал он, брезгливый к стаду,
Сноснейший омут для души,
Где ум крутится до упаду,
Мотая жизнь и барыши.
И где, чтоб слыть за человека,
Должно, за скудостью ума,
Веществовать по вопросам века,
В гремушках общего ярма.
И тут, конечно, зверь на звере —
Везде один и тот же сброд! —
Но тут не гурт, по крайней мере,
Не брот-гелертерский приход.
Он подчинится всем затеям
Семьи досужей и пустой,
Не даст стиха своим идеям,
Засыплет едких остротой;
Обманет праздность пиროваньем
В гурьбе изящных объедал,
И безотдушным прозябаньем
Сойдется с выскочками зал.
Он будет биться всем досугом
С ареной «тигров», спесь на спесь,
И победит врагом и другом
Их бесхарактерную спесь.
Он овладеет их хандрою
И, раб их вычур и одежд,
Восстанет думной головою
В высоком мнении невежд,

И, если так, и план свершится,
Тогда — в то время — о, тогда
Ему вся масса подчинится,
Вся золотая их орда!
Он пробичует их жестоко
Одним властительным стихом
И воспоет тогда широко
И жизнь, и мир, и Русь с Петром.
Амвон гостиного вниманья
Обстанет Русь богатырей,
И прогремят его воззванья
До европейских дикарей...

Но он погиб. Борьба со светом —
Недолго чистая борьба...
Остался б просто он поэтом,
Вдали, в глуши... Судьба! Судьба!
Какие жертвы ни приносит
Всеобщей жизни человек,
Его не ждет, его не просит,
Его отталкивает век.
Найти свой рок в простом повесе!..
Но это волки, это лес,
И есть всегда в подобном лесе
Свой Равальяк и свой Дантес.
Убийца был простой образчик
Тех отвратительных начал,
К которым трость и полуплащик
Так чудно идут в куклах зал.
Россия выставила гений,
Они — Европа на Руси —
Арена диких вожделений,

Слепили крест: возьми, неси!
Поэт поднял и нес достойно,
Пока мальчишка, в свой черед,
Не вздумал тешиться, спокойно
Ища над гением острот.
И он нашел. Поэт поддался,
Толпа захлопала — ура!!!
«Попался умник! Что? Попался? —
Шабаш! пора шута с двора!»
Что оставалось тут поэту?
Просить, унизиться, снести?
Сойти со сцены? сдаться свету
На мудро начатом пути?
Пропасть в толпу, в толкучий рынок,
На посмеяние рабам?..
Нет, поединок! поединок!
Стереть обидчика и срам!

Они стрелялись. Где? — в Европе!
Стал ярый гений — стал глупец.
Есть смерть в угаре, есть в утопе,
И есть надежда на свинец.
Судьба решит, кто ей дороже:
Глупец иль гений. — Раз-два-три!..
Кого же нет?.. О боже, боже!
Он жив, но жив лишь до зари.
Зачем, зачем они хоронят
Его столь пышным большинством:
Его уж ниже не уронят
И не подымут торжеством.
Зачем идут в широких шляпах
Факелonosцы в два ряда?

К чему огни в презренных лапах?
Погашена его звезда.
Зачем так медленно ступает
Хор этих певчих?.. Ноты... флер...
О, как мне душу раздирает
Печальным воем этот хор!
Зачем идут они с крестами?
Не воскресить его, отцы!
«Молите господа сердцами!
Молитесь, братия-слепцы!»
Зачем под черные попоны
Впрягли так много лошадей?
Пусть ездят цугом на поклоны
Да давят этаких людей.
К чему на этом катафалке
Стоит такой богатый гроб?
Его богатство было в палке,
Которой гений бил особ.
Зачем в мундирах, в звездах, в лентах
Идет пешком вся эта знать?
Ей ни в стихах, ни в монументах
Себя пред ним не оправдать.
На что в плерезах эти розы?
О, лица женщин, это вы.
К чему, к чему все эти слезы!
Не переплакать вам молвы.
Зачем терзает так размерно
Глухая музыка толпу?
Все переходно, все неверно!
Мы все к могиле бьем тропу.
Зачем... Но тихо и прощально

Проходит шествие певца,
И сзади тянется печально
Ряд экипажей без конца.
Все тротуары, окна, крыши,
Вся мостовая — всё глаза;
И, мнится, в гнездах нет и мыши
И у жандармов есть слеза.

О, больно, больно. Сердце колет,
И давит душу вздох от слез.
Вот уж три года: но и сто лет
Не снимет Русь своих плерез.
Неужто он, наш гимн, наш гений,
Убит, отпет и схоронен?
Что скажут веки поколений?
Кем мог бы быть он заменен?
Неужто общая могила
Его, как землю, приняла?
И эта чернь не оживила
Его потухшего чела?
Когда с последним целованьем
Кидались тысячи на труп,
Зачем мольбой, зачем взываньем
Не отворили вещей губ!
Зачем дыханье, вопли, голос
И всемогущий взрыд жены
Не встрепенули хоть бы волос
На голове, забывшей сны!
Зачем ясины, розы, мирты
Не разбудили в теле дух!
И даже мускус, даже спирты

Не привели души в испуг!
Зачем не двинул он хоть бровью,
Не дрогнул жилкою руки,
Когда весь мир с такой любовью
Вкруг задышался от тоски!
Зачем не встал он, ум бесценный,
И не сказал, смеясь, друзьям,
Что он для шутки, несравненный,
Был бледен, холоден и прям!..

Увы, задержанные слезы
Не полились у всех ручьем.
Не расцвели зимою розы
И не вздохнул он бытием!
Друзья стояли молчаливо,
Народ ходил, смотрел, шептал,
Студенты тискались ревниво,
А труп лежал, и все лежал.

О, почему ж тогда природа
Не собрала всех лучших сил
И этот вопль всего народа
Ее ума не умолил!
Зачем лежал он бездыханно,
Случайный гений этих душ,
Оставив всех, и так неожиданно,
Один поэт, боец и муж!
Его души не растревожил
Ни вздох, ни клик, ни плач людей;
Он умер — умер и не ожил,
Недодал миру всех идей!
И вот печально и забвенно

Живет без гения страна:
Умы торгуются презренно,
И песнь с певцами попрана.
Его далекая гробница
Одна святыня для души,
И ездит мыслить вся столица
В ее задумчивой глуши.
На белый мрамор каплют слезы,
Угрюмо ум вперяет взор,
И по челу мелькают грезы,
Как тень от облака меж гор.

И может быть, что Русь в печали
Нагрезит миру сонм голов,
Какие вряд существовали
Отрадной гордостью веков.
Восстанут, может быть, такие
Своенородные умы,
Которых гимнами впервые
Подыmem голову и мы.
Многоученая Европа,
Конечно, права, между тем:
Мы прозябали вне окопа
Всех политических систем.
Ее искусство и науки
Цвели без нас и не для нас:
Рим передал не в наши руки
Останки свитков, вилл и ваз.
Не нам, не нам — ее народам
Да будет слава и позор,
Что, в торжестве чужим невздам,

Они валят к нам весь свой сор.
Но мы из этого же сора
Всё извлечем, всё разберем
И бурей, жаждущей простора,
Весь мир целебно обожжем.

Конечно, Русь и не вносила
Своих богов в их пантеон,
Одна ее крутая сила
Вставала пугалом племен.
Но, может быть, не так мы дики,
Как величает нас Париж,
И наши воинские клики
Не все, чем бредит их вертиж.
Придет пора, — и я уверен,
Что после Пушкина уж нам
Не так отчаян и безмерен
Шаг к их всемирным образцам,
Что́ был он, в самом деле, в мире,
Который он же нам открыл,
Как не отзыв на русской лире
Тому, что Запад пел и выл?
Как не последний оттолок,
Которым русская душа
Сдалась, их «буйный недоносок»,
На песнь народа-торгаша? —
Лорд Байрон был певец страданья
О том, что мир так зло нечист,
Глубокий вопль самосознания,
Что человек есть эгоист.
Но человек не англичанин:
Он и торгаш и людоед,

Однакож был у них же Каннин,
У них же был и сам поэт.
Россия приняла стихи
Всей европейской кутерьмы.
И вот явился и в России
Такой же Байрон на умы.
Но он, высокий обожатель
Всемирно первого певца,
Не как невольный подражатель
Достиг народного венца.
Он тем велик, что, совпадая
С печалью английской души,
Постиг мечту родного края
И огласил ее в глуши.
Что пел Державин одиноко,
Что Ломоносов сознавал,
То Пушкин выстрадал глубоко
И пред Европой отстоял.
Придет пора, и будут люди:
Он оправдается, зачем,
Едва раскрыв для песен груди,
Он чуть не смолк было совсем.
Никто не чувствовал в то время,
Когда он думал и не пел,
Какое тягостное бремя
Судьба дала ему в удел.
Его разрозненная школа
Едва ли знает и сама,
Что романтизм его раскола
Был гимн не русского ума.
Один Языков, может статься,
Как выражение сам себя,

Учась, студентствуя, любя,
Умел по-русски выражаться;
И, может быть, еще досель
Не перестал в странах ученых
Учиться просто у мудреных,
Не лстясь на гниль и скороспелъ.
Они, сознав свои дороги,
Одни хотели и могли
Открыть, где клад родной земли
И вот зачем умолкли оба,
И уж один, как Русь ни плачь,
Не запоеет теперь из гроба,
Как пел меж бурь и неудач.
Ей остается лишь надежда,
Что он дал всем такой толчок,
Что и всеведа и невежда
Дадут грядущему оброк.
И, исполняя религиозно
Заветы гения, страна
Сознает рано или поздно
Идею собственного сна.

Я говорю, что мир восплещет,
Когда мы ринемся в него,
Когда в нем молнией заблещет
Штык примирителей всего.
Когда вторым Наполеоном
Мы их рассудим и уйдем,
И этот мир, объятый стоном,
Одушевим своим умом,
Тогда опять замыслит здраво
Одной идеей целый свет,

И, оцененный, величаво
Восстанет в лаврах наш поэт.

Благословенно же то время,
Когда он жил и процветал!
Благословим же род и племя,
К которым он принадлежал!
Блажен тот взор, который видел
Его разумные черты,
Который светски не обидел
Его высокой простоты.
Блажен, кому еще сдается,
В уединеньи и в шуме,
Что будто голос раздается,
Знакомый чувству и уму.
Блажен, кто понял в человеке
Его достоинство и нрав
И, полюбив в библиотеке,
Не разлюбил в пылу забав;
Чья, может статься, симпатія
Дышала розами певцу,
Иль чьих советов энергія
Крепила силы мудрецу.
Но — вы несказанно блаженней,
Цня его нежнее всех:
Вам жить, что миг, благословенней,
Вам, что ни час, то сто утех!
Кто облегчал ему гоненье,
Кто говорил ему: живи!
Когда постигло заточенье
Любимца славы и любви,
Кто умирал его роптанья,

Пред кем он праздновал душой?
Ум одинокого страдания,
Неразумеемый толпой!
Кто извинял его ошибки,
Причуды гения в борьбе,
И всемогуществом улыбки
Мирил певца к его судьбе?
Кто приводил все это в действо,
Не ждя ни лести, ни молвы?
Не ваше ль милое семейство,
Не вы ли сами? — Сто раз вы!

Примите ж вы за ваши чувства
Мой недостойный фимиам:
Когда б он жив был, жрец искусства,
Не я, а он кадил бы вам.
Но так как он уж нас оставил,
Примите жертву от меня:
И я пока живу для правил,
Для Прометеева огня.
Я не наискивался с лестью,
Я слишком дико горд умом, —
Но всей оказанной мне честью
Я сделан вашим должником.
И что скрывать: я рад глубоко,
Что мне судьба моя сама
Дает гордиться одиноко
Вниманьем вашего ума.
Приемом темного счастливец
В тот самый круг, где вхож был он,
Вы ободрили горделивца
На весь его душевный сон.

Мои ценители в особах,
Дававших гению приют!
Мой бедный дар, убитый в пробах,
Освистан всюду, но не тут!
Я тут, где лучшая оценка
Всегда была его трудам, —
И нет искусного оттенка
Моим презренным судиям!
И мог ли думать я, читая
Тринадцать лет тому назад,
Под говор мутного Дуная,
О силе соротских наяд,
О жаре в полдень, летней буре,
Закате солнца и о том,
Как воз <тот>, чудо по фигуре,
Считает бревна колесом, —
Что, в захолустье черноморском
Узнав про Сороть и Неву,
Сойдусь, мечтатель о Тригорском,
С его жильцами наяву! ..

О, пусть слепая воля рока
Меня с певцами развела,
Пусть не увижу, как Востока,
Я меценатного села:
Но я узнал, кого там пели
Они, высокие, — и мне
Отрадно вторить на свирели
Их гимну вечному вдвойне.
Я вижу вас в кругу всех ваших,
И, ум опальной головы,
Пою без лир их, пью без чаш их,

Да мирно здравствуете вы!
Да улыбается вам счастье,
Как ваша милая семья,
И да найдется беспристрастье,
Чтоб было строже к вам, чем я.
А я давно благословляю
Свою бесцветную судьбу,
Что я хоть изредка выдаю
Тех, кто постиг мою борьбу.
И что, гонявшись так напрасно
За тем, кого теперь — увы! —
Уж и оплакивать опасно,
Я очутился там, где вы:
Где есть ценящие в столице —
По виду русской — русский ум;
Где мнится мне, хоть он в гробнице,
Его приходом всякий шум;
Где мысль его авторитета
Цветет живей его писмен
И где бессмертный лавр поэта
Уж обнял буквы всех имен.

1849

А. И. ПАЛЬМ

ОПУСТЕЛЫЙ ДОМ

Плыву по взморию в часы безмолвной ночи,
Струистый след ладьи подернут серебром;
На темном берегу давно забытый дом
Всегда приветливо мои встречают очи.
Люблю беседовать с сим хладным мертвецом,
Любуясь его нестройною громадой,
Балконом, портиком, тяжелой колоннадой
И львами, спящими над рухнувшим крыльцом.
Когда-то дом роскошно красовался
Огнями, музыкой и говором речей.
Какой пловец тогда тобою любовался,
Завидуя в душе уделу богачей?
В сих окнах легкие тогда мелькали тени,
И блесками ума, любезностью живой
Кого пленял тогда красавец молодой?
Не мучил ли кого насмешки злобный гений?..
И что ж теперь, скажи, в далекие ль края
Судьбой заброшены безвестные нам лица,
Иль грустно прервана их повести страница?..
И отчего, скажи, покинули тебя?..
Погас ли ясный взор хозяйки благосклонной,
Очаровательной царицы прежних мод...
Но безответен ты, как сторож полусонной,
Задумчиво стоишь у лона тихих вод.

И на душе моей, утратами убитой,
Все пусто, все темно, — и не воскреснет вновь
Ни радость прежняя, ни прежняя любовь —
Порывы юности, так рано позабытой!
И ежели порой в истерзанную грудь
Невольно западут бывшие впечатленья,
Мне станет тяжело, я жажду отдохнуть,
И сердце просится в приют уединенья!
И молчалив я стал, и думами богат,
Как ты, пустынный дом, печальный мой
собрат!

ОСВОБОЖДЕННЫЙ УЗНИК

Снова я на свободе; полнее вдохнуть,
Больше воздуха просит усталая грудь.

Я и весел и свеж, — а давно ли
В безотрадной томился неволе;

А давно ль я все думал — вот идут за мной...
Да мурлыкал мне песни еосед за стеной...

После все расскажу вам от скуки;
От цепей отдохнули бы руки.

Нет, не выдал я вас, и с неробким челом
Безответен стоял перед грозным судом!

Но, друзья мои, если б вы знали,
Как они меня тяжело пытали...

Я как камень молчал — а вверху надо мной
Сквозь решетку окна яркий луч золотой

Проливала младая денница —
И светила на мрачные лица...

Посв. В. Г. Бенедиктову

Когда гляжу на городские зданья,
Мечте одной тогда я отдан весь;
Ведь здесь живут все страсти, все
желанья —
Добра иль зла комическая смесь!..
И сколько тут неведомых уроков,
Как много драм с развязкой роковой,
И мрачных дел под тайною немой,
И прошлого болезненных упреков...
И вместе всё — какой-то пестрый хлам
Часмешливых и горьких эпиграмм!..

И если кто перстом небес отмечен,
Кто властелин могучих, полных дум, —
Что ж, разве он в толпе людей замечен?..
Что ж, перед ним затихнет этот шум?..
Как памятник когда-то громкой славы,
Покойно-горд, как вековой гранит, —
Он на толпу с сознанием глядит,
На почести у ней не просит права!..
А между тем его златые сны
Не этой ли толпе посвящены...

1844

Гляжу я на твои глубокие морщины,
На взор полупотухший твой —
И прежних лет твоих забытые кручины
Невольно оживают предо мной.

Быть может, всем за счастья миг единый
Ты заплатился с строгою судьбой...
И ты не сетуешь на ранние седины
И с гордостью глядишь на век протекший
твой...

А может быть, с душою очерствелой,
Чуждаясь теплых чувств, бояся думы смелой,
Рабом ничтожным шел ты с юношеских лет,

Добрел до гроба, — что ж, зароят в яму тело,
И канет жизнь твоя, как жалкий пустоцвет,
Как нищего в суде проигранное дело!..

1845

РУССКИЕ КАРТИНЫ

Зимней ночью в избушке лучина горит,
Да жена молодая за пряжей сидит;
Запоет ли она — словно плачет о чем...
И вдруг смолкнет, сидит, подпершись
кулаком.

А все спит, только вьюга шумит на дворе,
Да лучина трещит, да петух запоет на заре,
Да мальчишки на печке храпят, да сверчок
Не уймется. — О чем ты грустишь? Али
старший сынок

Твой на службу пошел, аль работа трудна,
Али мачеха зла, аль изба холодна?..

А вот к утру приедет, браниться начнет
Муж лихой; где гулял он всю ночь
напролет —

И спросить не посмеешь!.. — И тихо опять
Запоет она; слов невозможно понять,
Только тянутся звуки. И даст она волю
слезам,

И глаза поведет в уголок к образам...

1845

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не шуми ты, мать
зеленая дубравушка.

Усталый от забот, от взглядов осторожных,
От светской умной лжи, от горечи услуг
Друзей докучливых или врагов ничтожных
И позабыв борьбу в груди стесненных мук,
Отрадно я лечу в мой уголок родимый;
С забвением гляжу на вольный бег коней,
Встречаю весело мелькающие мимо
Березки голые, овраги, мост, ручей,
И грустно-серые убогие избушки,
И мужичка без шапки, и плетень,
И леса синего чуть видные верхушки,
И сумерек густеющую тень.

С полей уснувших свежестью ночью
Повеяло; во мраке тонет взгляд;
И тучки носятся внимающей толпою
Вокруг луны, и звездочки глядят.
Чу, звуки... что это? Знакомая, родная...
Так, — это наша песнь; от юношеских дней
На думу каждую я слышал отклик в ней
И тосковал, ее тоске внимая...
Под страшной ли грозой ты, песня, сложена

Иль под разгул широкого веселья?
Ты с беззаветною ль отвагою дружна?
Или с тоской тяжелого похмелья?

Ты русской, бойкою задумана душой;
Невзгодушка, тоска, обида, плач разлуки,
Обман надежд и сердцу вечный упокой,
Презрение к судьбе и к жизни... все ты
в звуки

Перелила. И мблodeц лихой,
Сдружася с ночью, один в глухую пору,
Он затянул ту песнь назло судьбе самой,
Назло прозящему людскому приговору!..
И в этот страшный миг ему все решено
Под шумным говором сердитых дубровы;
Вздохнул свободно он, а после — все равно
.

ОТРЫВОК ИЗ РАССКАЗА

Еще ребенком помнил он себя;
Года тянулись, и прошло их много,
И жажду дел бесславно погубя,

И осудив мечты его так строго...
А может быть, — но сетовать смешно, —
Итти б он мог иной дорогой!

Но воротить былого не дано;
Напрасно мысль горячая летала
В степях широких стороны родной;

Там перед ним все грустно воскресало:
Деревня, барский дом и плут-француз,
Гостиная с портретом генерала,

Суровый взгляд отца и хитрый трус
Дворецкий, барынь вид всегда жеманный
И ежедневных сплетней пошлый груз.

Потом отъезда час давно желанный,
И встрепенулся робко детский ум,
И мучилась душа тревогой странной...

Но что ж ее могло встревожить? — Шум
Дорожных сборов, пыльные коляски
Иль вид отца? Но он всегда утрюм.

И темные задумывались глазки,
А к сердцу кралась тихая тоска.
И взор искал кругом приветной ласки...

Какой-то дух шептал ему, слегка
Касаясь темных жизни откровений;
Он говорил:

«Взгляни, уж далека

Пора забав беспечных; словно тени,
Уходят дни; поверь, я разгадал
Неясный смысл ребяческих стремлений;

В глуши степной, дитя, ты вырастал;
Никто, никто не тешился тобою;
Названий милых ты не повторял;

Никто, обняв заботливой рукою,
В глаза твои с любовью не глядел;
И детскою безгрешною мольбою

Ни за кого молиться ты не смел...
Но за тобою я слежу незримо;
И помню все, как голос твой звенел

Речами смелыми, как в сад любимой
Ты убегал и, волю дав мечтам,
В тени густой ты засыпал... и мимо

Я пролетал, и долго по часам
Кудрявою головкой любовался,
Как по ланитам свежим, по устам

Румянец и пылал, и разливался,
И светлый мир каких-то давних лет
На памяти печальной пробуждался...

Но — чу! — тебя позвали: ждет обед;
И чинно ты явился с гувернером,
Гостям твердить подсказанный привет.

Все лица важные, и разговором
Приличным заняты; отец подчас
Так зло острит с мелкопоместным сором;

Те улыбаются, низенько поклонясь.
Известный всем богатством и связями,
Меж них он был точь в точь удельный
князь.

Заметил я, меж прочими гостями
Сидел в углу твой дядя, старый плут;
Он все молчал, был очень занят щами.

Его давно майором все зовут;
Служил сперва в пехоте нижним чином;
Рассказывал, как крепости берут,

И вытянул, и стал он дворянином
Потомственным; и смолоду был хват,
Игрок — лишь не привык к гостиным!

На тетушке твоей он был женат;
Что ж — партия изрядная: и знаки
Отличия, солиден и богат!..

Вот через год, боясь какой-то справки
(Казна шутить не любит!), поскорей
Он чистой стал просить отставки,

И вышел чист. Потом, как зверь, в глухой
норе

Забился, грабил мужичков; и вскоре
Жену похоронил в монастыре;

Исправно ел, пил, спал и плакал с горя;
И слыл у всех примерным добряком;
Но, о душевных качествах не споря

(По свету зло так смешано с добром,
Что толковать об этом стало глупо),
Недаром я остановил на нем

Отрадный взгляд: проглядывала скупое
Сухая жизнь сквозь черствые черты.
Глаза глядят бессмысленно и тупо...

Подумаешь, как пошл, как жалок ты,
О человек, и стоит ли родиться,
Чтобы в грязи житейской нищеты

Носить ярмо, наподличать, плодиться
И кануть без следа?.. Вопрос, зачем
Вам жизнь? — И думать не случится!..

Но светом я доволен между тем
И проникать люблю в него глубоко;
И радуюсь — он вам закрыт и нем...»

И шопот замирал в тиши далекой.
Но мне кой-что позвольте пояснить,
Читатель мой, чтоб избежать упрека.

Я знаю, вам хотелось бы спросить:
Чей этот шопот, светлого ли духа
Иль демона? И для чего вводить

В рассказ такие вздоры: сухо,
И черти надоели нам давно,
И к их речам уж так привыкло ухо,

Что клонит сон; и вяло и темно.
Вы правы; но, скажите, отчего же
(Случалось это с вами?) скучно, ни
одной

Отрадной мысли; прошлое встревожа,
Напрасно ищешь яркого следа!
И радость и печаль равно похожи

На серый день осенний. И тогда
Не слышится ли безотвязный шопот
Больному слуху? — Лучшие года

Клеймит насмешкою безумный ропот
Измученной души... везде укор —
И в тине ежедневных хлопот,

И в жажде благородной... все позор!
Но что ж это? Постигнуть ум не смеет...
Последним ли порывам приговор?

Иль уж пора? глухой могилой веет...
Или, пройдя годов тяжелый ряд,
Лишь злобу ты сберег? .. иль это реет

Крылатый демон? кинув грустный взгляд,
Он тешит нас рассказом ядовитым...
И жадно слушаешь — и не слышать бы
рад:

То было и с моим героем. Скрытый
Недуг в груди проснулся и сжигал
Его хандрой упорной; в мир забытый

(Как я рассказ мой начал) он вникал
Суровой думой и не без волненья
Он многое теперь разоблачал;

Во всем искал он горького значенья,
И точно, им не в шутку овладел
Всегда печальный демон размышленья...

Быть может, это века нашего удел:
Мы всё хотим проникнуть иль разрушить.
Блажен, кто насладиться всем умел

Без дальних рассуждений! .. но дослушать
Я вас прошу мой прерванный рассказ.
Мы перейдем, чтоб связи не нарушить,

Как наш герой припомнил грустный час
Тревожного и шумного отъезда.
Коляска желтая да тараятас

Весь день с утра стояли у подъезда.
В гостиной тьма народа — вся родня,
Соседи близкие, всего уезда

Диктаторы; кто, голову склоня,
Молчал, кто пил усердно на прощанье;
Ну, словом, шло как следует. Звоня

Бокалами, пошли на лобызанье
К отцу, все хором ввали пустяки,
Твердя на путь приличные желанья.

Верны обрядам старым русаки —
Что похороны, свадьба иль крестины,
Приезд, отъезд — нам все равно с руки —

Попить, поесть, и к чорту все кручины!..
Но кони тронулись, и зазвонил
Валдая дар напев свой скучно-длинный.

У церкви стой! — мы вышли; помню, был
Чудесен миг, — наворачивались слезы...
Нас осенил крестом отец Панфил...

У церкви две старинные березы
На памятник шатром склонились, — миг
Еще чудесный!.. и — о проза, проза! —

Вдруг галки подняли ужасный крик,
И мы с могилой матери простились.
Кнутом лениво шевелил ямщик;

До нас слова неясно доносились;
Вилась клубами по дороге пыль,
И мужички, зевая, расходились.

И так давно!.. О боже, не мечты ль
В расстроенном кипят воображенье?..
Иль это, в самом деле, было?..

И много, много дум без выраженья
Его томило; сердце так полно
И пусто... Так просило раздраженья

И скоро так уж им утомлено!..
И он как будто вспомнил: неужели
Я прожил все!.. Но чем же решено?..

Но я вам не сказал еще доселе,
Кто он, каков собой и как одет,
Военный, статский, — верно б вы хотели

Увидеть ярко схваченный портрет?
Я вам его представлю непременно,
Полюбите его, — иль, может, нет!

А впрочем, он герой обыкновенный,
Как, например, NN, и я, и вы.
Простимся же до будущей главы.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Облака толпой косматой
По небу летят,
Ниве юной, полосатой
Бурею грозят.

Ветер дремлет над травой.
Воздух душен стал;
Гром за синею горою
Глухо застонал.

Что ж, дитя, ты приуныло,
Что глядишь в окно?
Думы ль вещей тайной силой
Сердце смущено?

Молний блеск тебя пугает
В темных небесах,
От окошка отгоняет
Суеверный страх.

О, склонись головкой нежной
Ты к груди моей —
И в лицо грозе мятежной
Взглянем мы смелей...

Верь, гроза — не разрушение...
И во всем живом
Будит силы обновленья
Благодатный гром...

Верь, что завтра утром рано
Заблестят поля —
Я с тобой вот так же стану,
Обниму тебя...

1846

ОБОЗ

Издалёка, дорогой большою
Потянулся обоз — все с товаром;
Мужички — кто идет стороною,
А кто на воз прилег под рогожу.

На дворе стоит осень глухая;
Вишь ты, поле совсем пожелтело;
Уж езда на колесах плохая,
Колеи заковало морозом.

Ну, ты, пегой, плетись за другими!
Эх, долга будет нам путь-дорога!
Словно веник с сучками сухими
Встретишь липку, — и все глушь такая.

А промчится почтовая тройка,
Как присвистнет осанистый парень,
Словно что-то припомнится горько...
Ну, ты, пегой, плетись помаленьку!

Налегке не езжали мы, что ли?
Аль коней не таких не видали?
Будет с нас — понатешились волей, —
Прогулять мы сумели что было!

А как молодца взяли — женили,
Как женили да руки связали,
Да с заботой-нуждой породнили —
Не взбредет и на ум эта удаль!

И плетись за другими ты следом
Да мурлычь себе глупую песню:
«Как жена поругалась с соседом»,
«Как солдатик пришел на побывку».

От села, от тяжелой неволи
Рад куда б занесло тебя дальше...
Вот метель подымается в поле,
А ночлега еще и не видно.

Дай — приедем; хозяин знакомый, —
Он ворота со скрипом отворит,
Поднесет да постелет соломы —
И так крепко проспишь до рассвета...

Напрасно прозрачные глазки твои
Твердят о блаженстве любви.
Заглохшее сердце, молю, не тревожь —
В нем звуков былых не найдешь...

Пустые желанья и грезы страстей
Души не волнуют моей.
Испытан мною тяжелой борьбой
С моей безотрадной судьбой.

Забыл я порывы к немym небесам,
К воздушным и смелым мечтам...
Но память про вольную юность мою,
Как грустную тайну, люблю.

1347

И одного еще мы проводили...
И молча долго мы сидим; и очи
Потупили с каким-то страхом тайным...
Все голсвы печальные поникли.
Как будто мы боимся перечесть
Оставшихся, как будто мы заране
Перебираем ряд прощаний горьких, —
И нашей мирной, молодой семье
Мы шопотом «отходную» читаем...
Ах, тяжело! — так тяжело, что слово,
В сию минуту сказанное громко,
Нам кажется нахальным святотатством...
Молчим. И это важное молчанье,
Как черная монашеская ряса,
Покрыло нас и с миром разлучило...
А в комнате как будто кто-то ходит
И веют только что умолкнувшие речи...

Д. Д. АХШАРУМОВ

Позором века
Для человека
Стоит тюрьма.
Туда сажают
И залирают —
Там полутьма.

И, задыхаясь,
В грязи валяясь,
Там люди ждут.
Пока все длится,
Пока свершится
Над ними суд.

Обитель страха,
Куда с размаха
Вдруг я попал;
Где одинокой
В тоске жестокой
Я духом пал!

И все зеваю,
Без слез рыдаю —
Нет больше сил!
О боже, боже!
Что ж это, что же
Ты мне судил!

1849

Гармонией живой исполнится она.
Тогда изменятся и люди и природа,
И будет на земле — мир, счастье и
свобода!

1849

Старуха мерзкая, отжившая свой век,
Не мытая со дня рожденья,
На ней болезнь, разврат и преступленье, —
Все, чем когда-либо был гадок человек;
Навешаны на ней сокровища земли —
И жемчуг, и алмаз, и золота куски,
Но язвами покрыто ее тело
И из-под золотой блистающей парчи
Рубаха черная лохмотьями висела.
Глава косматая покровом величавым
Покрыта вся, как твердою броней,
Кругом штыки, мечи, доспехи дикой славы.
И там же наверху лежал закон кровавый,
И эшафот стоял, с отрубленной главой.
На раменах ее столицы возвышались,
Их куполы церквей, блистая, красовались,
И между ними был и наш шпиц крепостной,
И он не меньше всех блистал своей главой.
И там же близ церквей построены темницы,
И за решетками, едва просунув нос,
Виднелись в окнах всё замученные лица:
В глазах их не было ни капли больше слез,
И нечем было им ни плакать, ни молиться.
Глазам не веря, я, испуганный, стоял:
«Откуда предо мной ужасное виденье?
Откуда ты взялось и кто тебя призвал,
Ужель и ты, творца великого творенье,
Имеешь право жить, живое существо?!
Ужель в груди твоей есть жизнь и сердце
бьется,
И кровь, живая кровь, по жилам твоим
льется?»

Ужасен образ твой и страшно бытие!»
Я заслонил глаза, закрыв лицо руками,
Но образ предо мной стоял все, как живой,
И звук пронзительный, и громкий и глухой,
Вдруг оглушил меня ужасными словами:
«Дитя мое! Со мной ведь ты давно знаком,
Чего ж боишься ты? приди в мои объятия!
Я отнесу тебя в родной наш край и дом,
Я возвращу тебе друзей, родных и братьев!»
Я бросился бежать — она за мной вослед:
«Тебя избавлю я от этих мук и бед.
Дитя мое! Ужель меня ты не узнал?
Я мать твою, — она мне говорила, —
Вот у меня сосцы, — не ты ли их сосал?
Мой друг, мое дитя, не я ль тебя
вскормила?»

От изумленья я чуть мертвый не упал,
Но страхом гибели мне сердце все облило.
И легок стал мне путь, где я изнемогал:
Я в гору бросился бежать изо всей силы,
И долго, долго я, испуганный, бежал,
Ужасный образ тот из глаз моих пропал,
И я, измученный, на землю повалился...

.
В пустыне знойной я лежал без чувств,
немой,

Но вот, очнувшись вновь, я к жизни
пробудился

И вдруг почувствовал прохладу над собой,
Как будто целый лес шумел и шевелился,
И осыпал меня пылью водяной;
Смотрю — густая сень, качаясь ветвями,

Широколиственно склонилась надо мной,
И, рассыпаясь журчащими струями,
Бил из земли фонтан, все свежестью дышало
И ароматами цветов благоухало.

Откуда ты взялась, таинственная сень,
И кто тебя взрастил в пустыне в знойный
день?!

Живой родник гремел, журчал, бежал
ручьями,

И я прильнул к нему палящими устами
И жажду утолил...

О непостижная природа, жизни мать,
Иль бог, всесильный бог, святое провиденье!
Ты знаешь, что кому, когда и как подать,
Погибшему послать и отдых и спасенье!..

Меж тем стемнело все, — я на горе стоял...
И, оглянувшись, увидел, изумленный,
Тот город, где я жил, томился и страдал,
Там, в глубине, внизу, огнями освещенный,
Он как бы в пропасти передо мной мерцал!

Судьба жестокая свершилась надо мной.
От смертной казни я едва освобожденный
Стою среди снегов, один, в стране чужой,
В остроге, как в тюрьме, погибнуть
осужденный.

Прощай, мой милый край, семья моя родная!
Все лучшее, что в жизни я любил,
И родина моя, столица дорогая!
Я с вами счастлив был, но счастье
не ценил.

Вас больше нет при мне, судьбы рукой
суровой
В изгнание дальнее влекусь я, — скорбь в
душе!
Так, вихрем сорванный от дерева родного,
Летит зеленый лист увянуть вдалеке!..

Свободы я лишен, и в бегстве нет
спасенья;
В обители снегов один я здесь стою...
Кому я выскажу тяжелые мученья,
Которые теснят и давят грудь мою?

Услышьте ж вы меня, дремучие леса!
Одни свидетели и жалоб, и страданья,
И с жизнью моего последнего прощанья;
И вы, горящие святые небеса!

1849

ХЕРСОНЬ

Степная глушь, Сибирь вторая,
Херсонь, далекая Херсонь,
Куда, российский снег бросая,
Меня завез курьерский конь.

Зима без снега, ветер, вьюга
Оледеневших средь равнин;
А летом солнца зной, недуги —
Вот край, где я живу один!

Где я, тоску превозмогая,
Хожу, и бледный и худой,
С обритой полу-головой —
Под тяжелой лапой <Николая>.

В неволе жизнь моя томится,
Среди убийц, среди воров,
Ах, лучше мне они сторицей,
Чем мир жиреющих рабов;

Здесь душно, грязно, вши заели,
Я худ и голоден всегда,
Но и они все похудели,
И их замучила беда!

Мое исполнилось желанье —
Из каземата вышел я
Во многолюдное собрание
Людей-страдальцев, как и я!

1850

Н. Е. РУДЫКОВСКОМУ

На жизнь я еду иль на смерть, кто знает,
На бранный наш воинственный Кавказ,
Надежда счастьем еще меня ласкает,
Но больше, может быть, я не увижу вас!
Я столько здесь страдал, меня здесь все
забыли,

Мне тяжело смотреть на эти все места,
Я проклял бы Херсон, когда б вы в нем
не жили,

Но вы меня навек с ним примирили
И я б желал вернуться вновь сюда!

.

Теперь я пережил тоски однообразной,
Неволи дни и еду в дальний путь,
И скоро пред собой узрю Казбек алмазный
И Шата девственную грудь.
Кавказ! Солдата жизнь меня там ожидает:
Как воин, брошусь я в огонь, в опасный
бой,

Где лезвие блестит и пуля пролетает.
И если выйду я из битв еще живой,
И если бог вернет еще мне жизнь бывшего,
И после долгих лет заеду сюда снова

Взглянуть на те места, в которых я страдал,
И вас застану здесь, как вас теперь застал,
Тогда вас обниму, как друга, как родного,
Которого давно в разлуке не видал.

1851

С. Ф. ДУРОВ

ДАНТ

Из Августа Барбье

О старый Гиббелин! когда передо мной
Случайно вижу я холодный образ твой,
Ваятеля рукой иссеченный искусно, —
Как на сердце моем и сладостно и

грустно...

Поэт! В твоих чертах заметен явный след
Святого гения и многолетних бед...

Под узкой шапочкой, скрывающей седины,
Не горе ль провело на лбу твоём морщины?
Скажи, не оттого ль ты губы крепко сжал,
Что граждан бичевать проклятых ты устал?
А эта горькая в устах твоих усмешка
Не над людьми ли, Дант! Презренье и

насмешка

Тебе идут к лицу. Ты родился, певец,
В стране несчастливой. Терновый свой

венец

Еще на утре дней, в начале славной жизни,
На долю принял ты из рук своей отчизны.
Ты видел, как и мы, на отческих полях
Людей, погрязнувших в кровавых мятежах;
Ты был свидетелем, как гибли семейства

Игралищем судьбы и жертвами злодейства;
Ты с ужасом взирал, как честный гражданин
На плахе погибал. Печальный ряд картин
В течение многих лет вился перед тобою.
Ты слышал, как народ, увлекшись мечтою,
Кидал на ветер все, что в нас святого есть, —
Любовь к отечеству, свободу, веру, честь.
О Дант, кто жизнь твою умел прочесть, как
повесть,

Тот может понимать твою святую горесть,
Тот может разгадать и видеть — отчего
Лицо твое, певец, бесцветно и мертво,
Зачем глаза твои исполнены презреньем,
Зачем твои стихи, блистая вдохновеньем,
Богатые умом и чувством и мечтой,
Таят во глубине какой-то яд живой.
Художник! ты писал историю отчизны;
Ты людям выставял картину буйной жизни
С такою силою и верностью такой,
Что дети, встретившись на улице с тобой,
Не смея на тебя поднять, бывало, взгляда,
Шептали: «Это Дант, вернувшийся из
ада!...»

ИЗ В. ГЮГО

Не насмехайтесь над падшею женой!
Кто знает, что она извела душой,
Кто может разгадать ее страданий повесть
В те дни священные, как в ней боролась
совесть;

Быть может, волею ума укреплена,
За честь, как за оплот, хваталась она, —
Так, видим, иногда росинка дождевая,
К листку зеленому с любовью приникая,
Блестит, пока с него она не сорвалась:
Перл до падения, а по паденьи грязь.

А кто, скажите мне, виной ее разврата?
Мы сами: ты, богач, — твое серебро и золото.
Но как бы ни было, всему своя чреда:
В грязи заключена чистейшая вода.
Чтоб перлом заблестать упавшей капле снова,
Ей нужен луч любви, луч солнца золотого!..

1843

ПРИСКАЗКИ

Есть люди в памяти моей,
Которых видел я когда-то;
Судьба меня и тех людей
Ничем не связывала свято.
Любви не мог я ждать от них,
Бояться их едва ли можно;
Труда не стоит помнить их,
А позабыть их невозможно...

Ложным приманкам не верь и вослед не
ходи за толпою;
Сам себе путь избери, сообразный
с влечением сердца;
Если на нем ты не сыщешь желанного
счастья, то все же...
Тем уладишь свое горе, что выбрал его
произвольно.

СОНЕТ

Нигде, ни в ком любви не обретая,
Мучительным сомнением томим,
Я умолял, чтоб истина святая
Представилась хоть раз очам моим.

И вечером, как сходит тень ночная
И по полю клубится влажный дым,
Явилась мне жилища неземная
И голосом сказала неземным:

«Ты звал меня — и я твой зов приемлю,
Лицом к лицу стою перед тобой
И холодом мечты твои объемлю.

Живи теперь в обители земной;
Тот не смущен ни счастьем, ни бедой,
Кто истину умел призвать на землю!»

1845

Вечер был светел, как день; небо сияло
лазурью; поля
Яркозеленым ковром расстилались далеко,
далеко;
Звонко журчащий ручей, ниспадая с горы
у подножья,
Радужной пеной сверкал, а в лесу, из-за
кущи ветвистой,
Слышалась песнь соловья. И подумал
тогда я невольно:
«О, для чего не дано человеческой жизни
под вечер
Светлого неба любви, упований широкого
поля,
Быстрых желаний ручья и надежд
соловьиных напевов!..»

1845

Люблю тебя за то, что в вихре светских бурь

Ты сохранил ума и сердца живость,
Улыбку на устах, в очах своих лазурь,
В движеньях детскую стыдливость.

Люблю тебя за то, что, юность расцветя
Приманками надежды и мечтанья,
Ты жизнью тешишься, как резвое дитя,
Еще не знавшее страданья.

Люблю тебя за то, что, волю сердцу дав,
Не заразясь пустым предубежденьем,
Ты дружбы не лишил ее заветных прав,
Любви не оскорбил сомненьем.

Люблю тебя за то, что в ветреной толпе,
Волнуемой безумными страстями,
Один лишь ты идешь по розовой тропе,
Довольный жребием и нами.

1845

Мы встретились — и тотчас разошлись.
Ни он, ни я не высказали мыслей
И чувств своих друг другу; будто сон,
Свиданье с ним мелькнуло и исчезло;
Но сердце мне твердит: не знаю где —
Здесь или там, сегодня или завтра —
Сольетесь вы душа с душой, как небо
Сливается вдали с лазурным морем.

1845

К И А Й Я

Посвящено

Павлу Александровичу Мартынову

С а л ь в а т о р

Завидую тебе, счастливый рыболов!
Хотел бы я закидывать тенета
И, к берегу причалив, сеть мою
Просушивать на солнце. В час вечерний,
Когда уже за дальнею Капреей
Пурпурный луч заката догорает,
Я бы хотел, как ты, носиться в море
И видеть ночь, сходящую с небес.
О, пожалей меня, товарищ, в людях
От горести я вяну, потому
Что край родной мне сделался противен;
В моих глазах Неаполь златоверхий
Не тот, чем был. Сады благоуханны,
Лазурь небес, целебно-сладкий воздух,
Вливающий отраду, бледность утра,
Румянец вечера, краса залива,
По коему крылатые ладьи
Как лебеди ныряют, — словом, все,
Поля в цветах, и огненный Везувий,

И самое воспоминанье детства
По старине не могут разогнать
Над головой моей тумана... Краски
В моих руках теперь теряют свежесть;
Печальный тон ложится на картинах.
Я бросил кисть, разбил мою палитру,
И по земле, облитой жаркой лавой,
В полдневный зной скитаюсь, как
изгнанник.

Р ы б а к

О милый брат! я понимаю вздох,
Из уст твоих слетевший; понимаю,
Зачем твои кудрявые власы
Бросают тень, сбегая на плечо,
Покрытое разорванной одеждой;
Зачем лицо так бледно, а глаза,
Насупившись, сверкают исподлобья.
Ты не один, поверь, страдаешь втайне:
Хоть грудь моя черна, но не из камня.
Я чувствую, как ты, что солнце наше
Моей души уже не греет боле.
Ах, кто из нас нарядится? Кто в силах
Надеть венок из листьев виноградных?
Кому на мысль придет, под сенью лавра,
Протанцовать живую тарантеллу?
Кто музыкой прогнать сумеет горе,
Когда оно, как червь, нам гложет сердце?
Друг, наша жизнь — прогоркнувший лимон,
Которого ничто не усладит. Мы дети
Прекрасные прекраснейшей земли;

Но, как волны, осуждены судьбой
Нести ярмо тяжелого рабствá;
Нам надо лбом ломиться, тратить силы,
Потеть в трудах и, к довершенью мук,
Переносить побои иноземца.

С а л ь в а т о р

О рыболов, тебе, по крайней мере,
Осталось в отраду это море,
Обширное и светлое, как небо.
Ты, как орел, которому земля
Прискучила, слетаешь с гор кремнистых
И в челноке плывешь в открытом море,
Смывая гной с душевных ран своих:
Удар весла, и ты, вольнолюбивый,
Становишься властителем вселенной.
Там можешь ты поднять свое чело,
Как человек глядеть на небо прямо
И песни петь... а если моря шум
Издалека примчит к тебе случайно
Отзвучия земные и на сердце
Навеет грусть, ты смело можешь плакать
И ропот свой сливать с роптаньем волн.
А мы, увы! жильцы земли печальной,
Осуждены в безмолвии страдать,
Нести ярмо пришельцев ненавистных
И грудию позор свой защищать;
Должны глядеть на зло холоднокровно,
От коего б с досады лопнул камень;
И, наконец, волненья затаив,
Искать угла, в котором было б можно

Об участи своей поплакать. Ныне
Нам жалоба вменяется в проступок.
Земля, мой друг, на коей мы родились,
И воздух тот, которым дышим мы,
Заразою язвительною веет:
Из двух друзей, беседующих вместе,
Всегда один безнравственный доносчик.

Рыбак

Не вечно же противный ветер будет
В наш парус дуть. Припомни, добрый
Роза,
Над нами есть святое провиденье,
Которое воззрит на нашу участь.
Оно не даст в обиду бедняка
Скупцу богатому. Оно нам облегчит
Путь к счастью. Мы, спящие на камне
И целый день трудящиеся в поте,
Когда-нибудь узнаем лучший жребий.
Из нас теперь не много легковерных:
Придет пора, и явятся меж нас
Мыслители, в устах с железным словом.
Объевши кость, захочется нам мяса.
За осенью для нас наступит лето...
Я эту надеждой успокоен
И весело мои кидаю сети
У берега и в безднах недоступных:
Когда-нибудь в заливе голубом,
На золотом песке берегов Кнаии,
Я уловлю в сетях моих — свободу...

С а л ь в а т о р

О рыболов, ужель ногою белой
На палубу к тебе свобода станет?
Ужель она рукой твоих собратий
Введется к нам в Неаполь? Я боюсь,
Чтоб речь твоя напрасно не погибла,
Как звук пустой и лживый. Эта гостья,
Которую свободой мы зовем,
Нисходит к тем, которые достойны
Ее любви; а мы погрязли в лени;
Лицо ее и поступь для народа,
Убившего в разврате мощь свою,
Понравиться не могут. Сибариты,
Обросшие кудрявой, черной шерстью,
Расползшие от неги и еды, —
У них душа в мамоне, а мамон
В их голове; бессмысленно зевать,
Пить, есть да спать — для них одно
блаженство!

По улицам валяясь на спине,
Они глядят по целым дням на небо
И от него даров съедобных ждут;
Единый бог для них могуч и силен,
И этот бог — обжорство. Все другие
Высокие и пламенные чувства
Для сердца их не вняты. Боязливо
Они глядят на меч...

Р ы б а к

О добрый Роза!
Не обвиняй народа. Горе сердца

Наполнило твой ум мертвящим хладом
И гордостью. Ты смотришь на отчизну
Ошибочно. Народ всегда надежен,
Народ всегда — хорошая земля,
Удобная к богатой разработке;
Земля, внутри которой вечно бродит
Могучий сок, всему дающий жизнь
И действующий вечно с равной силой.
Он — сильный дуб возводит к небесам
И, возродя, питает человека.
Добром платя за зло и оскорбленье,
Сторицею под плугом и сохой,
Он нам дает обилие и жатвы.
Кидай навоз на землю, все она
Переродит в златистые колосья;
Она всему дает живую силу,
На ней одной великое родится...

С а л ь в а т о р

Не знаешь ты, как тягостна для сердца
Живая мысль, не вылитая явно.
Ты плакал бы, как я, когда бы то же
Мог испытать; но, человек простой
И добрый, ты не можешь разгадать
Моей тоски, моих страданий едких,
Отчаянья, которое рождает
Та мысль, что я, рожденный быть на
солнце,
Во мраке дни мои окончить должен.
Не знаешь ты, как больно для души
Иметь крыло и быть в позорной клетке.

А между тем, что день, то смерть к нам
ближе,
Что день, то меч, врученный нам от бога,
Снедается обыкновенной ржавой.
Мы чувствуем, что в нас, от недостатка
Возвышенной и благородной пищи,
С дня на день огонь душевный тратит силу,
Что тело в нас живет за счет души,
И гений наш, затерянный в пустыне,
Гниет как кладь в закрытом сундуке.
Для гения, мой друг, нужна свобода,
Как пьянице бокал широкодонный.
И мне простор необходим. Ты видишь,
Я утомлен бесплодным ожиданием...
Устал вздыхать и плакать, как скопец
Над девою в бессильной страсти плачет...
Когда народ, имея столько силы,
Бездейственно у нас коснеет ныне,
То я иду искать других людей.

Рыбак

О истинно-возвышенное сердце,
Горячая и жаркая душа!
Ужели ты не можешь подождать
День... два?... а там... когда негодование
Правдивое на свет и на людей
Тебе велит бежать от нас в пустыню,
Друг, берегись другой ужасной бездны,
В которую мы впали нынче все:
Не сделайся бездушным себялюбцем,
Не забывай, что есть над нами промысл;

И если он обогатил нам душу
Влечением к прекрасному, то это
Не для пустой себялюбивой цели,
Но к общему благополучью. Каждый
Из нас отдать отчет обязан богу
В своих делах: я за мои слова
Отвечу там, а ты, Сальватор Роза,
За кисть свою и краски. Дай мне руку,
Возьмем себе в вожатого терпенье:
С ним самое страданье как-то легче,
И каждая высокая душа
В нем мирное прибежище находит...

С а л ь в а т о р

Ты искренно и сладко говоришь;
Но вспомни то, что на родимой почве
Пшено теперь становится крапивой,
Что семена у нас теряют силу
И не дают полезных прозябаний.
От родины не жду я ничего
И навсегда с Неаполем прощаюсь.
Привет тебе, калабрская земля,
Где выси гор туманами дымятся
И вал морской всегда о берег плещет!
Я кланяюсь тебе, гигант Гаргано,
Окутанный косматыми лесами
И спорящий с грозою!.. о, прими
Меня теперь под сень свою! Позволь
С кочующим и девственным народом
Соединить навек мой горький жребий,
Упитья их веселою свободой

И с ними хлеб насущный разломить...
Там, только там величье человека
Во всей красе еще досель осталось
И девственна земля еще доселе;
Там снова я для счастья оживу,
И, как орел, я буду долго, долго
И жизнью и счастьем упиваться...
А если смерть придет ко мне чредой,
Не саван я надену гробовой,
Не меж досок истлеть придется телу —
Я скроюсь в объятиях Сибеллы,
Как легкий дым на небе голубом,
Как тихий ключ на черном дне морском,
Не кинув по себе для суетного света
Ни имени, ни пыльного скелета...

1845

Когда трагический актер,
Увлечшись гением поэта,
Выходит дерзко на позор
В мишурной мантии Гамлета —

Толпа, любя обман пустой,
Гордяся мнимым состраданием,
Готова ложь почтить слезой
И даровым рукоплесканием.

Но если, выйдя за порог,
Нас со слезами встретит нищий
И, прах целуя наших ног,
Попросит крова или пищи —

Глухие к бедствиям чужим,
Чужой нужды не понимая,
Мы на несчастного глядим,
Как на ажеца иль негодяя!

И речь правдивая его,
Не подслащенная искусством,
Не вырвет слез ни у кого
И не взволнует сердца чувством...

О род людской, как жалок ты!
Кичась своим поддельным жаром,
Ты глух на голос нищеты
И слезы льешь перед фигляром!

КРУЧИНЫ

Есть непонятные кручины:
Они рождаются без причины
И, словно ржавая на меди,
Ложатся едко на груди...

Не надо им несчастий близких;
Они, как сосны гор альпийских,
На голом камне могут цвести;
Всегда во всем им пища есть...

Из сердца вырвать их нет средства,
Они пускают корень с детства:
Но если б даже вырвать их —
Нам горько стало бы без них...

1945

ШЕКСПИР

Не гляди на солнце
Летом, в яркий полдень,
Если богом не дан
Оку взор орлиный,
Если ты заранее
Знаешь, что от блеска
Пламенного солнца
Потеряешь зренье.

Не читай Шекспира,
Если ты боишься
Глубоко проникнуть
В тайны роковые
Бытия земного,
Если ты не хочешь
Разгадать движений
Сердца человека...

1845

Я как сокровище на памяти моей
Сберег прошедшее: надежды прежних дней,
Желанья, радости, мелькавшие когда-то,
Все, все мне дорого и все доселе свято.
Я памятью живу: и как не жить? я был
Для счастья рожден. Я с детства полюбил
Уединение, природу, кров домашний
И лень беспечную. Мечтой моей всегдашней
Был тихий уголок в родном моем селе,
Хозяйка умная, щи-каша на столе,
Да полка добрых книг, да лес густой,
да поле.
Где мог бы я порой размыкать грусть на
воле...
Не то сбылось со мной. Мой юношеский сон
Развеян случаем. Я в жертву принесен
Тщеславья, чуждого душе моей (в угоду
Чужого мнения). Я потерял свободу,
Которая была любимой мечтой
Души восторженной. Теперь в толпе людской
Вполне затерянный — без цели, без участия
И без надежд иду по скользкому пути:
Как мало, кажется, нам надобно для
счастья.
Как много надобно, чтоб нам его найти!..

Иные дни — мечты иные:
Нельзя ребенком вечно быть...
Пришлось мне годы молодые
Для настоящего забыть.

Но все ж, какой-то волей тайной,
Простая песня мужика,
Взгляд, часто кинутый случайно,
Благоухание цветка —

Вся эта ветошь жизни пошлой
Невольно грудь волнует мне
И говорит о жизни прошлой
И о недавней старине!

Толпа живых воспоминаний
Чудесно вьется надо мной:
Вот я дитя... вот сказки няни...
Вот колыбель... вот лес густой...

Тот лес, где я любил когда-то,
В траве, как заяц, притаюсь,
Глядеть, как рыщет бес косматой
За черной ведьмою гонясь;

Как в гуще леса чьи-то очи
Огнем горят издалика,

И тени сумрачные ночи
Меня касаются слегка.

Любил я слушать звонкий лепет
Вблизи бегущего ручья,
Жужжанье мошки, листьев трепет
И вздох далекий соловья.

Виски горели, билось темя;
Я весь сгорал в живом огне:
Чего не слышал я в то время,
Чего тогда не снилось мне!

Но этот сон недолго длится,
Недолго им согрета грудь;
Передо мной опять ложится
Однообразной жизни путь...

Старость нагрянет к тебе (тяжела эта
гостья не в пору!)
Ты, не живя, отцветешь и брюзгливой
старухою будешь.
Люди при жизни тебя похоронят на сердце,
а после,
Бросивши камень на гроб, никогда не
придут на могилу
Вспомнить про ту, кто была, без сознания,
страдалица в жизни. . .

И плакать хочется, и хочется смеяться,
Как вспомнишь о былом:
Как можно было мне так горько ошибаться
В самом себе, и в людях, и во всем...

И плакать хочется, и хочется смеяться,
Когда заглянешь в даль:
Все манит, кажется, любить и
наслаждаться, —
А между тем везде грозит печаль.

1346

РОЗА И КИПАРИС

Сказала весенняя роза:
«Скажи, кипарис молодой,
Зачем ты зеленой верхушкой
Печально повис надо мной?» —

«Затем, — отвечал он, — чтоб солнце
Тебя опалить не могло
И лучше в тени очертилось
Твое молодое чело...»

1846

ЧЕРДАК

Je viens revoir l'asile où ma jeunesse
De la misère a subi les leçons.

P.-J. Béranger

Вот я опять под кровлей незабвенной,
Где молодость в нужде я закалил,
Где в грудь мою проник огонь священный,
Где дружбой я, любовью встречен был.
Душа моя, приличьем не гнетом,
В самом себе вмещала целый свет;
Легко я мог взбежать под кровлю дома:
На чердаке нам любо в двадцать лет.

Пусть знают все, что жил я там
когда-то!..

Вот здесь кровать моя была... вот стол...
Вот та стена, где песни стих начатый
Я до конца, случайно, не довел...
Восстаньте вновь, видения святые!
Откликнитесь на мой живой привет!
Для вас в те дни закладывал часы я...
На чердаке нам любо в двадцать лет.

Явись и ты, скрываемаемая далью!..
И вот она мерещится опять...

Окно мое завешиваешь шалью
И кофточку кладешь мне на кровать...
Храни, амур, ее цветное платье
И свежесть щек лелей и свежий цвет.
Любовников ее не мог не знать я...
На чердаке нам любо в двадцать лет.

Мои друзья устроили пирушку
В честь подвигов народных наших сил.
Их громкий клик достиг в мою лачужку:
Под Маренго я знал, кто победил...
Гремит пальба... из сердца песня льется...
Среди торжеств забот и страха нет...
В Париже быть врагу не доведется...
На чердаке нам любо в двадцать лет.

Но полно мне! Прощай, жилье родное!
За миг один увянувшей весны
Я отдал бы все время остальное,
И опытность, и сны — пустые сны!
Надеждами и славой увлекаться,
На каждый звук в душе искать ответ.
Любить, страдать, молиться, наслаждаться
На чердаке нам любо в двадцать лет.

ТУЧА

Небо чисто после бури, —
Только там, на дне лазури,
Чуть заметна и бледна,
Тучка легкая видна...

От родной семьи изгнанник,
Ты куда несешься, странник?
Где, скажи, в краю каком
Колыбель твоя и дом?

Разольешься ль ты туманом
Над бездонным океаном?
Или мелкою росой
Ты забрезжешь над травой?..

Иль в лазури неба чистой
Ляжешь радугой огнистой
И обхватишь, как венец,
Целый мир с конца в конец?..

Или вновь в степях лазури
Ты сзовешь и дождь и бури
И, вернувшись к нам, потом
Принесешь грозу и гром?

1846

АНАКРЕОН

Жил в древней Греции певец Анакреон.
Он с юношеских лет был музам обречен,
И после, в старости, изведав все земное,
Умел он сохранить и сердце молодое,
И ум возвышенный, и юношеский пыл,
И крепость здоровья, и бодрость прежних
сил.
Бывало, к молодым вмешавшись в вихорь
пляски,
Он пел им про любовь, вино, восторг
и ласки,
И звучный стих его, катясь как река,
Был дорог юноше и свят для старика.
А ныне от певцов не те мы слышим звуки.
Их струны издают порывы тайной муки,
Негодование на жизнь и на судьбу —
Сомненья с истиной тяжелую борьбу,
Души расстроенной тяжелые болезни:
Для современников полезны эти песни! ..

1846

СОНЕТ

Я думаю: на что облокотиться?
На что теперь осталось взглянуть?
К чему душой и сердцем приютиться?
Чем вылечить мою больную грудь?

Над головой златое небо тмится,
В безвестности теряется мой путь,
Густой туман вокруг меня ложится:
Нет пристани, где б мог я отдохнуть.

Любить — нет сил; надеяться — нет мочи;
Желать — теперь мне кажется смешно;
Желаниям не верю я давно...

Так пешеход, во время поздней ночи,
В неведомую даль стремится напрасно очи:
Вокруг него все смутно, все темно...

1846

ЛИСТОК

Où vas tu? — Je n'en sais rien. . .

С родного дерева отпадший,
На волю преданный грозам,
Скажи, листок полуувядший,
Куда летишь? — Не знаю сам!

С тех пор, как дуб уцал от бури,
От дружной ветки отлучась,
То я ношусь в степях лазури,
То снова падаю я в грязь.

Я мчусь по прихоти суровой,
Куда влечет меня мой рок,
Куда несется лист лавровый
И легкий розовый листок.

1846

В АЛЬБОМ ГРАФИНИ С-КОЙ

Жизнь наша — книга. Много в ней
Найдется сцен разнообразных:
Смешных, нелепых, скучных, грязных,
Тяжелых, вялых и бессвязных,
Как на страницах повестей.
Читать ее — нести вериги,
Прочтя — не выдержишь сказать:
Блажен, кому житейской книги
Не довелось прочитать...

1846

Что в жизни, если мы не любим никого,
Когда и нас взамен никто любить не может,
Когда в прошедшем мы не видим ничего
И в будущем ничто нам сердца не тревожит?
Тоска, одна тоска! а между тем из нас,
Из жертв, влекущих цепь дней тягостных
и вялых,
Никто с отвагою на смерть не кинет глаз,
Никто не сложит жизнь с рамен своих
усталых.
Не так ли иногда вечернею порой,
Занявшись чтением пустой и глупой сказки,
Зеваем мы сто раз над каждою строкой
И все-таки идем, упорствуя, к развязке...

1846

Сердце исчахло у нас от науки холодной.
В ребенке,
Только что снявшем с себя пелены и
оставившем куклы,
Вы не найдете теперь ни надежд
увлекательно-милых,
Ни сладко-пленительных слов, ни веры в
грядущее счастье, —
В нем, как в поддельном цветке, нет ни
жизни, ни красок тех ярких,
Кои встречаются вам на питомцах долин
благодатных,
Вскормленных вешней росой и
раскрашенных солнцем полудня.

1846

Кого любить? Кому доверить
Святыню сердца своего?
Чьим нежным ласкам можно верить
И положиться на кого?

Где друг прямой и беспристрастный,
Который руку нам подаст,
И не осудит нас напрасно,
И осудить другим не даст?..

Где? Как подумаешь об этом,
Так как-то сердцу тяжелей,
И, право, хочется со светом
Расчет окончить поскорей...

1846

К * * *

(При отсылке стихов А. Барбье)

Вот вам Барбье, — его стихи
Облиты желчью непритворной,
Он современные грехи
Рисует краской самой черной;
Он не умеет так, как мы,
Льстецы слепые мнений века,
Хвалить развратные умы
И заблужденья человека.
Богобоязненный пророк,
Неподкупной ничем свидетель,
Он как палач разит порок,
Как гений ценит добродетель.
Вот вам Барбье! Его тоска,
Его железная суровость,
Неосторожность языка
Сначала, может быть, как новость,
Вам не понравятся. Но там,
Вникая в смысл его глубокий,
По сердцу он придется вам:
Вы правду цените высоко...

Нагая истина в наш век
Умы болезненно тревожит.
И вдохновенный человек
Не многим тронуть сердце может...

1846

ПОРТРЕТ

Он неприветлив, но ему
Ты можешь верить сердца тайны.
Он их не выдаст никому,
Не кинет на ветер случайно...

Он неприветлив, но, когда
Заметит след тоски во взоре,
Он первый встретит вас тогда,
И первый он разделит горе.

Он неприветлив, но зато,
Когда полюбит он однажды,
Он не разлюбит — ни за что,
А это сделает не каждый...

1847

Жаркое чувство любви ненадолго в душе
остается:
Только что вспыхнет оно и угаснет сейчас же.
Но пепел
Этого чувства души возрождает в нас новое
чувство:
Дружбу, которая нам никогда и ни в чем
не изменит.
Так из простого цветка образуется осенью
поздней
Плод, услаждающий вкус, обонянье и взгляд
человека.

1847

Смотришь порой на нее, а мечтается —
смотришь на небо:
Так у ней ясно чело, и так очи на звезды
похожи!

1847

В. В. ТОЛБИНУ

Бывают дни в году, когда в душе у нас
Печали новые рождаются каждый час,
Когда нога скользит; когда нам все

на свете

Является глазам в каком-то черном цвете;
Когда в природе все так дико и мертво,
Что видеть, кажется, не хочешь ничего...
Бурливо и темно в реке катятся волны,
Густые облака дождливым мраком полны,
Осенний воздух сыр и резок, как зимой,
Деревья зыблются печально головой...
Куда ни подойдешь, куда ни кинешь

взгляд —

Везде встречаются то нищих бледный ряд,
То лица желтые вернувшихся из ссылки,
То гроб с процессией, то бедные

носилки...

И если, наконец, растерзанную грудь
Желая от тоски рассеять чем-нибудь,
Ты за город уйдешь, в приют уединенный,
Чтоб с уст любовницы сорвать залог
священный

Любви и верности... Увы, печаль-змея
Туда прокрадется вослед, как тень твоя.

И тщетно б ты хотел на лоне сладострастья
Искать забвения, надежды и участия.
Сквозь пурпурных ланит красавицы твоей,
Сквозь милые уста и чудный блеск очей,
Сквозь кожу тонкую пленительного цвета
Тебе почудится костлявый вид скелета.

С невыразимым наслаждением,
С невыразимою тоской
Слежу за речью, за движеньем,
За взглядом, кинутым тобой.

Мне сладко верить, что судьбою
Тебе проложен светлый путь,
Что радость встретится с тобою
Когда-нибудь и где-нибудь...

Но грустно то, что, может статься,
Идя с тобой путем иным,
Мне поневоле не удастся
Упитья счастьем твоим.

Так иногда под небо юга,
В благословенный теплый край,
Нам проводить приятно друга,
Но горько вымолвить: прощай!

1847

Ваш жребий пал! Счастливая пора
Для вас прошла... Вы кинули игрушки...
Не тешат вас пустые погремушки,
Которые с утра и до утра
Вас тешили не дальше, как вчера.
Вы нехотя на жизнь открыли глазки
И что ж нашли? — Несбыточность мечты,
Гонения лукавой клеветы,
В друзьях своих — предательские ласки...

А прежде вы смеялись надо мной,
Вам шуткою моя казалась горечь,
И опыта действительная повесть
Была для вас безумною мечтой,
Воображения болезненной игрой...
Но от меня вас ждет другая плата:
Гонимые от света и молвы,
Во мне одном теперь найдете вы
Сопутника, товарища и брата.

1847

СОСЕД

Люблю я искренно соседа...
Он каждый день в мою нору
Приходит утром, до обеда,
Потом заходит ввечеру.

Неистощимые рассказы
Всегда готовы у него:
Про жизнь, про давние проказы
И годы юности его.

Ценитель подвигов народа,
Он любит часто вспоминать
Поход двенадцатого года
И нашей славы благодать...

Про то, как он, горя отвагой,
Искал везде опасных мест
И награжден за это шпагой,
И получил в петличку крест...

Его восторг и речь живая
Шумит и льется, как поток
· · · · ·
· · · · ·

1847

Озябло горячее сердце мое
От стужи дыханья людского...
А с желчным рассудком плохое житье:
Рассудок — учитель суровый! ..

Холодным намеком, насмешкою злой
Он душу гнетет и тревожит:
Смеется над каждою светлой мечтой,
А тайны открыть нам не может.

Внушая сомненье почти ко всему,
Он губит в нас волю и силу:
Кто в руки попался однажды ему,
Тот прямо ложится в могилу...

1847

СТРАННИК

Перекрестясь, пустился я в дорогу...
Но надоел мне путь,
Я поглазел довольно, славу богу,
Пора бы отдохнуть...
Не вечно же мне маяться по свету
Бог знает для чего:
Ведь у меня, сказать по правде, нету
По сердцу никого.
Люблю я лес, раскидистое поле,
Люблю грозу и гром,
Да и они прискучат поневоле
Не нынче, так потом...
И для чего, подумаешь, родится
И бродит человек!
Эх! На ночлег скорей бы приютиться!
Да и заснуть навек...

1847

Тогда, склонившись на плечо,
Ты жмешь мне руку и вздыхаешь,
И, веря в счастье горячо,
Ты слишком много обещаешь...
Тебя становится мне жаль,
Я за тебя грущу невольно,
Сжимает сердце мне печаль,
И так мне трудно, так мне больно...

Я говорю тебе тогда:
«Не верь любви моей... День сб дня
Бледней горит моя звезда...
Не тот я завтра, что сегодня...
По сердцу нашему скользя,
Все благородное проходит:
Любить всегда одно — нельзя;
День новый — новое приводит...

И ты, напуганная мной,
Спешишь к груди прижаться крепче...
Заране зная жребий свой,
Обоим нам как будто легче...
В огне любви, в чаду страстей
Друг другу сладко нам предаться —
Своих послушаться речей,
Своим дыханьем надышаться...

Так на египетских пирах,
Держась старинного завета,
С гостями рядом на скамьях
Сажали пыльного скелета —
Затем, чтоб каждый из гостей,
В нем видя жребий свой грядущий,
Дар жизни чувствовал полней
И оценил бы миг текущий.

Где ни помотришь — повсюду,
Всегда видишь грустные лица,
Не встретишь веселой улыбки,
Веселого взгляда не встретишь...

Захочешь ли вслушаться в речи,
Летучие речи людские, —
В них слышишь какую-то муку
Сомнения, надежды и страха.

Сойдешься ли с искренним другом
И тайны ему поверяешь, —
Все как-то не выразишь мысли,
Ответа от друга не выждешь...

И трудно, и больно, и горько
Больному с больными встречаться.
Но может ли горе быть вечно?
Ужели границ нет терпенью?

1843

Как весело... идти вослед толпы,
Не разделяя с ней душевных убеждений,
Брать от нее колющие шипы
Ее пристрастных осуждений...

Как весело... на помощь призывать
Пустых надежд звенящие гремушки,
Чтоб после их с презреньем разбивать,
Как бьет дитя свои игрушки...

Как весело... оковы наложа
На каждый шаг, на все движенья сердца,
Бояться вырваться потом из рубежа,
С предубеждением староверца...

Как весело... увлекшись мечтой,
Приискивать в несбыточном возможность,
Чтоб после с горькою насмешкой над собой
Признать вполне ума ничтожность...

Как весело... не веря ничему,
Прикрыв лицо двусмысленною маской,
Наперекор душе, всем чувствам и уму,
Платить коварству мнимой лаской...

Как весело... глубоко любя
И пламенно желая чувств обмена,

Предвидеть нехотя, что ждут в конце тебя
Обыкновенные измены...

Как весело... измучась от борьбы,
По мелочам растратив жизнь и силы,
Просить, как милости, у ветреной судьбы
Себе безвременной могилы...

1848

Зачем забвенья не дано
Сердцам, алкающим забвенья,
Зачем нам помнить суждено
Ошибки наши и волненья?..

Зачем прошедшее, от нас
На быстрых крыльях улетевши,
Не может скрыть от наших глаз
Былого плод, давно созревший?..

Когда б не опыт прежних лет,
Мы шли б по свету без оглядки,
И нас обманывал бы свет...
И жизнь была б полна загадки...

А ныне — знаний и трудов
Неся тяжелую веригу,
Мы бьемся все из пустяков —
Читаем читанную книгу...

1848

В АЛЬБОМ

Сердце молодое
Верует всему:
Благородным — злое
кажется ему.

Изучивши зрело
И людей и свет,
Я решаюсь смело
Дать тебе совет:

Дружбе угождая,
Не забудь себя,
Верь — не доверяя,
Люби — не любя...

1848

К РЕБЕНКУ

С горячим участием гляжу на тебя я,
ребенок!
Как взгляд твой приветлив, как голос твой
мягок и звонок,
Как каждое слово мне в грудь западает
глубоко
И как увлекает оно мое сердце далеко...

Что день, за тебя я молюся пред светлой
иконой:
Да будет тебе он на трудном пути обороной,
Да вечно хранит он тебя от житейской
невзгоды:
Пускай бы цвела ты среди мира, любви
и душевной свободы...

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100

Что миг — то новые удары,
Что день — то новая беда:
Там мятежи, а здесь пожары,
Повсюду ропот и вражда...

Недаром вызваны явления,
Но до поры молчит судьба, —
Начатки ль это возрожденья
Или предсмертная борьба?

Быть может, вспыхнет дух народный
Любовью к правде и труду,
И мы стезею благородной
Пойдем со всеми наряду.

А может быть, на повороте
С дороги сбившись, мы опять
Завязнем по уши в болоте
И не вперед пойдем, а вспять...

Нет, прочь сомненья! Горькой доле
Настал теперь последний час.
Для пышных жатв готово поле,
И пахарь добрый есть у нас...

1863

Н. Д. П-ОЙ

Добро бы жить как надо — человеком!
И радостно глядеть на свой народ,
Как в уровень с наукою и веком
Он, полный сил, что день идет вперед.

Как крепко в нем свободное начало,
Как на призыв любви в нем чуток слух,
Как десяти столетий было мало,
Чтоб в нем убить его гражданский дух...

Добро б так жить! да, знать, еще не
время...

Знать, не пришла для почвы та пора,
Чтоб из нее ростки пустило семя
Народности, свободы и добра.

Но все же мы уляжемся в могилы
С надеждою на будущность земли,
С сознанием, что есть в народе силы
Создать все то, чего мы не могли.

Что пали мы как жертвы очищенья,
Взойдя на ту высокую ступень,
С которой видели начатки обновленья
И чуяли давно желанный день!..

1863

Блаженны нищие духом, ибо
их есть царствие небесное.

Европа движется... Над ней
Громады черных туч нависли.
Там жизнь всецело у людей
Обречена труду и мысли.

А мы в родных своих степях,
Храня преданья вековые,
Живем, как пташки в небесах
Иль как лилеи полевые.

Нет хлеба — мы кору едим;
Сгорит изба — ночуем в поле;
Обидит кто-нибудь — молчим,
Во всем предавшись божьей воле.

1863

ИЗ В. ГЮГО

Услышав плач, я отпер дверь в лачугу.
Там четверо детей осиротелых
Над матерью усопшею рыдали...
Конурка страх невольный наводила:
Зеленый труп на рубище лежал;
Нигде огня; в дырявый потолок
Валилася солома с ветхой кровли.
По-старчески задумалась малютка;
А на устах покойницы улыбка —
Ужасная улыбка пробивалась,
Как сквозь туман осенняя заря.
Ребенок лет шести, в семействе старший,
Казалось, хотел сказать: «Взгляните,
В какую темь нас бросила судьба!..»

Здесь в комнате свершилось преступление.
Вот в чем оно. Под небом благодатным
Есть женщина, которая умна,
Кротка, добра, как ангел. Бог ее,
Казалось, для счастья создал. Муж
У ней добряк-работник. Оба вместе,

Без ропота, без зависти и желчи,
Ярмо свое житейское тянули.
Но вот болезнь свела в могилу мужа;
Теперь она вдова с пустой сумой
И четырьмя малютками. Сейчас же
За труд она схватилась, как мужчина.
Жива, добра, опрятна, бережлива,
Нет дров в печи, на койке — одеяла,
Она молчит... и день-деньской и ночь
То штопает чулки, то из соломы
Ковры плетет, шьет, вяжет, чтобы только
Добыть кусок насущного малюткам.
Жизнь честная! Но раз приходят к ней —
И застают от голода умершей.

В кустарниках, летая, птички пели;
На кузницах звенели молоты;
Толпились в залах маски; поцелуи
Отдергивали с масок кружева;
Повсюду жизнь. Купцы считают деньги;
На улицах езда, веселый хохот;
Вагонов цепь колышет землю; дым
Валит из труб бегущих пароходов;
И в этот час движенья, блеска, шума
Под бедный кров работницы усталой,
Как тать ночной, прокрался лютый голод,
Схватил ее за горло — и убил.

Глад — это взор распутницы; дубина
Бездомного разбойника; ручонка
Малютки, хлеб ворующего робко;
Забытого бедняги лихорадка...

Земля же вся полна могучим соком,
Дающим жизнь обильную повсюду, —
Лишь плод созрел, уж колосится поле...
И между тем, когда себе пчела
С бузинного листка собирает соки,
Когда ручей поит обильно стадо,
Могила снедь готовит хищным птицам;
Когда шакал, гиена, василиск
Среди пустынь себе находят пищу, —
Ты, человек, голодной смертью гибнешь!
О, это зло — общественный проступок;
Страшилище-разбойник, порожденный
Запутанностью мрачной нашей жизни...

Господь! Зачем среди юдоли этой
Приходится сиротке говорить:
«Я голоден!» Дитя — не та же ль птичка?
Зачем же то, что гнездышку дается,
Отказано бывает колыбельке?..

ВОСПОМИНАНИЕ ПОЧИ 4 ДЕКАБРЯ

Ребенок был убит,— две пули — и в висок.
Мы в комнату внесли малютки тело:
Весь череп раскрыт, рука застыла,
И в ней — бедняжка! — он держал волчок.

Раздели мы с унынием немой
Труп окровавленный, и бабушка — старуха
Седая наклонилась над ним
И прошептала медленно и глухо:
«Как побледнел он... Посветите мне...
О боже! волоса в крови склеились».
Ночь, будто гроб, темнела... В тишине
К нам выстрелы порою доносились:
Там убивали, как убили тут...

Ребенка простынею белой
Она укутала, и труп окоченелый
У печки стали греть. Напрасный труд.
Обвеян смерти роковым дыханьем,
Лежал малютка, холоден, как лед,
Ручонки опустив, открывши рот,
Бесчувственный к ее лобзаньям...

«Вот смотрите, люди добрые, — она
Заговорила вдруг, прервав рыданья, —

Они его убили... У окна
Он здесь играл... и в бедное создание,
В ребенка малого — ему еще восьмой
Годочек был — они стреляют... Что же
Он сделал им, малютка бедный мой...
Как был он тих и кроток, о мой боже...
С охотою ходил он в школу... да,
И все учителя его хвалили,
Он письма для меня писал всегда, —
И вот, разбойники, они его убили!
Скажите мне: не все ль равно
Для господина Бонапарта было
Убить меня? Я смерти жду давно...
Но он... дитя...»

Рыданьем задушило
Старухе грудь, и не могла она
Сказать ни слова долго... Мы стояли
Вокруг несчастной, полные печали,
И сердце надрывалось в нас... «Одна,
Одна останусь я теперь... Что будет
Со мною, старой? Пусть господь рассудит
Меня с убийцами! За что они в наш дом
Пустили выстрелы? Ведь не кричал
малютка:
«Да здравствует республика!» Лицом
Она склонилась к телу... Было жутко
Старухи горьким жалобам внимать
Над трупом отрока окровавленным...
Несчастная! Могла ль она понять...

.

Кто стал, помимо вечных лжей,
Герольдом истины свободной, —
Тот, в общем мненьи, враг людей,
Отступник веры, бич народный.

Как мы ценили правоту?
Какую ей давали плату?
Ведь все кричали: смерть Христу!
Смерть обольстителю Сократу!

И Галилей за то, что он
Мир двинул с места, был оплеван.
Судьба! Вникая в твой закон,
Я вижу, наш успех основан

На том, что лучший из людей
Обязан крест принять за долю,
Отдать нам в жертву свет очей,
Всю душу, сердце, разум, волю,

Трудиться ночь и день-деньской,
Лить пот и кровь свою для брата
И, наконец, за подвиг свой
Стяжать название ренегата...

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

ПЕСНЯ СТРАННИКА

(Из Рюкерта)

Тени гор высоких
На воду легли;
Потянулись чайки
Белые вдали.

Тихо все... томленьем
Дышит грудь моя...
Как теперь бы крепко
Обнял друга я!

Весело выходит
Странник утром в путь,
Но под вечер дома
Рад бы отдохнуть.

1844

ДУМА

Как дети иль рабы, преданию послушны,
Как часто в жизни мы бываем равнодушны
К тому, что сердце нам должно бы

разрывать,
Что слезы из очей должно бы исторгать.

Мы плакать не хотим, мы не хотим терзаться

И предрассудкам казнь в сомнениях искать!

Не лучше ль слепо им во всем повиноваться,

А в бедствиях судьбу спокойно обвинять!

И мимо жертв идя шумящею толпою,

Вздыхать и говорить: так велено судьбою!

Когда же совесть вдруг, проснувшись,

скажет нам:

«Виновник бед своих — ты, жалкий

смертный, сам...

Ты глух, как истукан, на глас мой оставался,

И, призрака создав, ему повиновался!» —

Вопль сердца заглушить мы поспешим

скорей,

Чтобы не отравить покоя наших дней!

Когда ж среди толпы является порою

Пророк с могучею, великою душою,

С глаголом истины священной на устах, —

Увы, отвержен он! Толпа в его словах

Учения любви и правды не находит...

Ей кажется стыдом речам его внимать,
И, вдохновенный, он когда начнет вещать —

С насмешкой каждый прочь, махнув
рукой, отходит.

.

ЛЮБОВЬ ПЕВЦА

На грудь ко мне челом прекрасным,
Молю, склонись, друг верный мой!
Мы хоть на миг в лобзании страстном
Найдем забвенье и покой!
А там, дай руку — и с тобою
Мы гордо крест свой понесем:
И к небесам, в борьбе с судьбою,
Мольбы о счастье не пошлем...
Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил, —
Как раб ленивый и лукавый
Талант свой в землю не зарыл!

Страдать за всех, страдать безмерно,
Лишь в муках счастье находить,
Жрецов Ваала лицемерных
Глаголом истины разить,
Провозглашать любви ученье
Повсюду, — нищим, богачам, —
Удел поэта... Я волнений
За благо мира не отдам.
А ты? В груди твоей мученья
Таятся также — знаю я —
И ждет не чаша наслажденья —
Фиал отравленный тебя!

Для страсти знойной и глубокой
Ты рождена — и с давних пор
Толпы бессмысленной, жестокой
Тебе не страшен приговор.
И с давних пор, без сожаленья
О глупом счастье дней былых,
Страдаешь ты, одним прощеньем
Платя врагам за злобу их!
О, дай же руку — и с тобою
Мы гордо крест наш понесем
И к небесам, в борьбе с судьбою,
Мольбы о счастье не пошлем...

СТРАННИК

Oh, quand viendra-t-il donc, ce jour
que je rêvais,
Tardif réparateur—de tant de jours
mauvais?
Jamais,—dit la raison.

H. Moreau.

Все тихо... Тополи над спящими водами,
Как призраки, стоят, луной озарены;
Усеян свод небес дрожащими звездами,
В глубокий сон поля и лес погружены;

Воздушные струи полны ночной прохладой,
Повеял мне в лицо душистый ветерок...
Уж берег виден стал... и дышит грудь
отрадой —
Быстрей же мчи меня, о легкий мой челнок!

Я вижу, огонек мелькнул между кустами
И яркой полосой ложится на реке;
Скитальца ль ждешь к себе, с томленьем
и слезами,
Ты, добрый друг, в своем уютном уголке?

С молитвой ли стоишь пред чистою
Мадонной
И слышен шопот твой в полночной тишине;
Иль, может, рвешь листки ты розы
благовонной,
Как Гретхен Фауста, гадая обо мне?

Услышав плеск волны, с улыбкой молодою
Ты другу выйдешь ли навстречу в темный
грот,
Где, к моему плечу прикинув головою,
Ты говорила мне, бывало: «День придет,

И близок он, когда ни горя, ни страданий
Не будет на земле!» — Нет, он далек, дитя;
И если б знала ты, как много упований,
Прекрасных и святых, с тех пор утратил я.

Ты помнишь ли, как мы с тобою
расставались,
Как был я духом бодр, как полон юных сил.
Но вот разлуки дни, как грезы,
миновались;
Отчизну и тебя я снова посетил!

И что ж? Утомлена бесплодною борьбою
Уже душа моя. Потух огонь в глазах;
И впала грудь моя, истерзана тоскою,
И не пылает кровь румянцем на щеках.

Я слышал ближних вопль, я видел их
мученья,
Я предрассудка власть повсюду находил;
И страшно стало мне! и мрачный дух
сомненья,
Ужасный дух меня впервые посетил!

Бессилие мое гнетет меня всечасно;
Уж холод в сердце мне, я чувствую, проник;
И я спешу к тебе, спешу, мой друг
прекрасный,
В объятиях твоих забыться хоть на миг!

Сгустилась ночи тьма над спящими водами,
Повеял мне в лицо душистый ветерок,
Усыпан свод небес дрожащими звездами,
Быстрее же к берегам неси меня, челнок!

СОН

(Отрывок из неоконченной поэмы)

La terre est triste et dessechée;
mais elle reverdira. L'haleine du
méchant ne passera pas éternel-
lement sur elle, comme un souffle
qui brûle.

Paroles d'un croyant.

.
Истерзанный тоской, усталостью томим,
Я отдохнуть прилег пред явором густым.

Двурогая луна, как серп жнеца кривой,
В лазурной вышине сияла надо мной.

Молчало все кругом... Прозрачна и ясна,
Лишь о скалу дробилася волна.

В раздумьи слушал я унылый моря гул,
Но скоро сон глаза усталые сомкнул.

И вдруг явилась мне, прекрасна и светла,
Богиня, что меня пророком избрала.

Чело зеленый мирт венчал листьями ей,
И падал по плечам златистый шелк кудрей.

Огнем любви святой был взор ее согрет,
И разливал на все он теплоту и свет.

Благоговенья полн, лежал недвижим я
И ждал священных слов, дыханье притая.

Но вот она ко мне склонилась и рукой
Коснулася слегка груди моей больной.

И наконец уста разверзлися ее,
И вот что услышал тогда я от нее:

«Страданьем и тоской твоя томится грудь,
А пред тобой лежит еще далекий путь.

Скажу ль я, что тебя в твоей отчизне ждет?
Подымет на тебя камень твой народ

За то, что обвинишь могучим словом ты
Рабов греха, рабов постыдной суеты!

За то, что возвестишь ты мщенья грозный
Тому, кто в тине зла и праздности погряз!^{час}

Чье сердце не смущал гонимых братьев стон,
Кому законом был отцов его закон!

Но не страшися их! и знай, что я с тобой,
И камни пролетят над гордой головой.

ПОЭТУ

Le poète doit être un protestant
sublime
Du droit et de l'humanité.

A. Barbier

Кто не страдал святым страданием,
Кто горьких слез не проливал,
Томимый тщетным ожиданием
Увидеть вечный идеал;
Кто на покой и наслажденья
Души тревоги променял;
В пророков истины каменья
В удобность черни кто бросал;
Кто равнодушно видел муки,
Стон слышал брата своего,
И в ком цепей тяжелых звуки
Не пробуждали ничего;
Кто сам, преданья раб послушный,
Готов оковы был носить
И вопли сердца малодушно
В забавах света заглушить, —
Тот не поймет твоих созданий,
Любовью дышащих святой,
И в жизнь иную упований

Не разделить ему с тобой!
И много их в толпе найдется,
Злых фарисеев и глупцов,
Живущих мыслями отцов,
В ком речь твоя не отзовется;
Но ты иди прямой дорогой
Привычной, смелою стопой;
Когда в душе сокровищ много,
Не расточай их пред толпой;
Но будь гонимых утешитель,
Врагам озлобленным прости,
И верь, что встретишь, как спаситель,
Учеников ты на пути.
Но будет время... пронесутся
Дни бедствий, горя и тревог;
Жрецы Ваала ужаснутся,
Когда восстанет правды бог!
Навеки в мире водворится
Священной истины закон,
И гордых власть пред ним смирится,
И смолкнет ненависть племен.

.
.

Да, верь: любви и примиренья
Пора желанная придет,
И мир, прозрев, твое ученье
Тогда великим назовет.

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;

Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И верьте, голос благородной
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

1846

ОТВЕТ

Мы близки друг другу... Я знаю,
Но чужды по духу... Любви
Давно я к тебе не питаю,
И холодны речи мои...

Не в силах я лгать пред тобою,
А правда страшна для тебя...
К чему же бесплодной борьбою
Всечасно терзать нам себя?

В кумирах мне бога не видеть,
Пред ними чела не склонить!
Мне все суждено ненавидеть,
Что рабски привыкла ты чтить!

Кто истине, верный призванью,
Себя безвозвратно обрек, —
И дом и семью без роптанья
Оставит, сказал нам пророк...

О, верь мне, напрасны упреки:
Расстаться нам должно с тобой...
Любви мы друг к другу далски,
Друг друга мы чужды душой...

1846

К чему мечтать о том, что после будет
 с нами
 О том, чего уму постигнуть не дано...
 Хоть часто тернии здесь смешаны с цветами,
 Но все ж земную жизнь бесславить вам
 грешно.
 Отрадного и в ней, поверьте, много, много...
 Смотрите: гром затих, и ясен свод небес...
 И тучки прочь бегут лазурною дорогой,
 И шепчет им вослед привет прощальный лес.
 Смотрите, как луга вокруг благоухают,
 Упитана дождем зеленая трава,
 И легкий ветерок с волной реки играет,
 И рожь золотистая колышется едва...
 Прекрасен этот мир! Возможно наслажденье!
 К чему ж о гробе нам всечасно говорить...
 Здесь ласки жен и дев, и страсти упоенья.
 Здесь сердце может все, что хочет,
 полюбить!...

Да! этот мир хорош; но право наслаждаться
 Даровано ли всем могучею судьбой...
 Здесь узники вдали от родины томятся,

Там в рубище бедняк с протянутой рукой.
Тот солнечных лучей напрасно ищет взором,
Не заглянут они в окно тюрьмы его...
Другой на небеса глядит с немым укором, —
От зноя отдохнуть нет крова у него!
Не для него красы улыбка молодая,
Его трудов — другим всегда назначен плод,
Под тяжким бременем нужды изнемогая,
Прекрасным этот мир бедняк не назовет!..
Но пред лицом творца равны его создания, —
И там найдет бедняк за муки воздаянья.

;;

Да, верю, верю я, что все прсд ним
равны...
Но люди не для мук — для счастья рождены!
И сами создали себе они мученья,
Забыв, что на кресте господь им завещал
Свободы, равенства и братства идеал,
И за него велел переносить гоненья.

БАРАБАНЩИК

(Из Гейне)

Возьми барабан и не бойся,
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайший искусства.
Вот смысл философии всей!

Сильнее стучи и тревогой
Ты спящих от сна пробуди.
Вот смысл глубочайший искусства,
А сам маршируй впереди!

Вот Гегель! Вот книжная мудрость!
Вот дух философских начал!
Давно я постиг эту тайну,
Давно барабанщиком стал!

1848

НОВЫЙ ГОД

(Кантата, с итальянского)

Г о л о с

Слышны клики — поздравленья,
Хрустала заздравный звон.
Ближе час освобожденья,
Ближе истины закон!

Х о р

Год еще мы отстрадали,
Изнуренные борьбой,
Тщетно руки простирали
К небу с теплою мольбой.

Тщетны, тщетны все моленья!
Правды бог не восстанет.
Тяжко нам! Зерно сомненья
Каждый день в груди растет.

Г о л о с

О, к чему, к чему роптанье!
Искушенья близок час.
Дух лукавый отрицанья

Да отыдет прочь от вас!
Дни тревог и горя, братья,
Пролетят, как смутный сон.
Уж гремят врагам проклятья,
Слышу я со всех сторон.
Близок час последней битвы!
Смело движемся вперед, —
И услышит бог молитвы
И оковы разобьет.

1848

ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ГАЗЕТ

Мне тяжело читать кровавые страницы,
Что нам о племенных раздорах говорят,
Как тяжело смотреть на сумрачные лица
Семьи, где издавна господствует разлад.

Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотой души цвести и крепнуть ей,
Но к племенам чужим вражды я не питаю,
Ей места нет в душе незлобивой моей.

Рассказ о подвигах на поле грозной битвы
Восторгом пламенным мне не волнует кровь:
И к небесам я шлю горячие молитвы,
Чтоб низошла в сердца озлобленных любовь.

Чтоб миновали дни тревог, ожесточенья,
Чтоб, позабыв вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Все племена слились в единую семью!

1854

О, если б знали вы, друзья моей весны,
Прекрасных грез моих, порывов благородных,
Какой мучительной тоской отравлены
Проходят дни мои в волнениях бесплодных!
Былое предо мной, как призрак, восстает,
И тайный голос мне твердит укор

правдивый:

Чего убить не мог суровой жизни гнет,
Зарыл я в землю сам, — зарыл, как раб
ленивый.

Душе была дана любовь от бога в дар,
И отличать дано добро от зла уменье;
На что же тратил я священный сердца жар,
Упорно ль к цели шел во имя убежденья?

Я заключал не раз со злом постыдный мир
И пренебрег труда спасительной дорогой,
Не простирали руки тому, кто наг и сир,
И оставался глух к призывам правды
строгой.

О, больно, больно мне!.. Скорбит душа моя.
Казнит меня палач неумолимый — совесть;
И в книге прошлого с стыдом читаю я
Погибшей без следа, бесплодной жизни
повесть.

ПТИЧКА

(Подражание Сырокомле)

М. Л. Михайлову

Птичка божия проснулася с зарею
А уж пахаря застала за сохою;
Полетит она к лазурным небесам
И, что видит в селах, все расскажет там.
Скажет птичка богу, что бедняк страдает,
Что кровавым потом ниву орошает;
Не мила, как птичке, пахарю весна,
Радостей немного подарит она...
Встретил бы он солнце песенкой веселой,
Да молчать заставил гнет нужды тяжелой.
На сердце заботы, как свинец, лежат,
Поневоле песня не пойдет на лад.
Где тут любоваться негой лунной ночи, —
Застилают слезы труженику очи...
Скажет птичка богу, чтоб его рука
Поддержала в горькой доле бедняка,
Чтоб ему нести свой крест достало силы,
Чтоб без ропота добрал он до могилы.

1857

С. Ф. ДУРОВУ

У едешь ты на теплый юг!
И, где лазурью блещет море, —
Покинет тело злой недуг,
Покинет сердце злое горе.

Там отдохнет в семье друзей
Душа, изведавшая муки,
И песен, выстраданных ей,
К нам долетят святые звуки...

И все, что рок во дни невзгод
Давил железною рукою,
Вдруг встрепенется, оживет,
Как цвет под влагой дождевою.

Господь тебя благослови
За годы долгие несчастья
И тихой радости любви,
И дружбы ласковым участием.

И если радостные дни
Придут, послушные желанью,
Меня, собрата по изгнанию,
Ты добрым словом помяни!

1857

ПОСВЯЩЕНИЕ

Домчатся ль к вам знакомых песен
звучи,
Друзья моих погибших юных лет?
И братский ваш услышу ль я привет?
Всё те же ль вы, что были до разлуки?

Быть может, мне иных не досчитаться!
А те в чужой, далекой стороне
Уже давно забыли обо мне...
И некому на песни отозваться!

Но я средь бурь, в дни горя и печали,
Был верен вам, весны моей друзья,
И снова к вам несется песнь моя,
Когда, как сон, невзгоды миновали.

1858

Много злых и глупых шуток,
Жизнь, играла ты со мной,
И стою на перепутьи
Я с поникшей головой.

Сердца лучшие порывы
И любимые мечты
Осмеяла беспощадно,
В пух и прах разбила ты.

Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И в бою том я потратил
Много страсти и огня.

Только людям на потеху
Скоро выбился из сил;
И осталось мне сознание,
Что я немощен и хил.

Что ж! Пойду дорогой торной,
Думал я, толпе вослед,
Скромен, тих, благонамерен,
Бросив юношеский бред.

Что за гладкая дорога!
Камни здесь не режут ног.

Если б шел по ней я прежде,
Я бы так не изнемог.

Да и цель гораздо ближе;
Пристань мирная в виду...
Сколько там я наслаждений
Неизведанных найду!

Но, увы! пришлось недолго
К этой цели мне идти,
И опять я очутился
На проселочном пути.

А виной все эти грезы,
Эти сны поры былой...
Безотвязные, со мною
Шли они рука с рукой.

И манили все куда-то,
И шептали что-то мне,
Милых образов так много
Показали в стороне.

Им навстречу устремился
Я, исполнен новых сил:
Шел по терниям колючим,
В бездны мрачные сходил.

И уж думал — подхожу я
К милым призракам моим,
Но напрасно, утомленный,
Простирал я руки к ним.

Отдалялись, улетали
Дорогие от меня...
И внезапно, на распутьи,
Ночью был застигнут я.

Долго ль ночь моя продлится,
И что ждет меня за ней,
Я не знаю; знаю только,
Что тоска в душе моей.

Но не торная дорога,
Рано брошенная мной,
Пробуждает сожаленье
В этот миг в душе больной.

Жаль мне призраков любимых,
Жаль роскошных ярких грез,
Что так рано день, сокрывшись,
На лучах своих унес!

Дети века все больные, —
Мне повсюду говорят, —
Ходят бледные, худые,
С жизнью все у них разлад.

Нет! напрасно стариками
Оклеветан бедный век;
Посмотрите: перед вами
Современный человек.

Щеки, словно как с морозу,
Так румянцем и горят;
Как прилична эта поза,
Как спокоен этот взгляд.

Вы порывов увлечения
Не заметите за ним;
Но как полон уваженья
Он с достоинством своим.

Все вопросы разрешает
Он легко, без дальних дум;
Не тревожит, не смущает
Никогда сомненья ум.

И насмешкой острой, милой
Как умеет он кольнуть
Недовольных, что уныло
На житейский смотрят путь,

Предрассудки ненавидят,
Всё твердят про идеал
И лишь зло и гибель видят
В том, что благом мир признал.

Свет приятным разговором
И умом его пленен;
Восклицают дамы хором:
«Как он мил! как он умен!»

Нет! Напрасно старость взводит
Клевету на бедный век:
Жизнь, блаженствуя, проводит
Современный человек.

1858

МОЙ ЗНАКОМЫЙ

Он болен был. (Его отец
В гусарах век служил,
Любил танцовщиц и вконец
Именье разорил.)

И ярый был он либерал:
Все слабости людей
Он энергически карал,
Хоть не писал статей.

Не мог терпеть он спину гнуть,
Любил он бедный класс,
Любил помещиков кольнуть
Сатирой злой подчас.

И Жоржем Зандом и Леру
Был страстно увлечен,
Мужей он поучал добру,
Развить старался жен.

Когда же друга моего
Толкнула в глушь судьба,
Он думал — закалит его
С невежеством борьба.

Всех лихоимцев, подлецов
Мечтал он быть грозой;
И за права сирот и вдов
Клялся стоять горой.

Но, ах! грядущее от нас
Густой скрывает мрак;
Не думал он, что близок час
Вступить в законный брак.

Хоть предавал проклятью он
Пустой, бездушный свет,
Он был в губернии пленен
Девницей в тридцать лет.

Она была иных идей...
Ей не был Занд знаком,
Но дали триста душ за ней
И трехэтажный дом.

Женился он, ему прилась
По сердцу жизнь сам-друг...
Жена ввела его тотчас
В губернский высший круг.

И стал обеды он давать,
И почитал за честь,
Когда к нему съезжалась знать,
Чтоб хорошо поест.

И если в дом к нему порой
Являлся генерал,

Его, от счастья сам не свой,
Он на крыльце встречал.

Жена крутой имела нрав:
А дом и триста душ
Давали ей так много прав...
И покорился муж,

Хоть иногда еще карал
Он зло в кругу друзей,
Но снисходительней взирал
На слабости людей.

Хоть не утратил он вполне
Могучий слова дар,
Но как-то стынул при жене
Его душевный жар.

Бывало, только заведет
О крепостных он спор,
Глядишь — и зажимает рот
Ему супруги взор.

И встретил я его потом
В губернии другой;
Он был с порядочным брюшком
И чин имел большой.

Пред ним чиновный весь народ
И трепетал и млея;
И уж не триста душ — пятьсот
Он собственных имел.

О добродетели судил
Он за колодой карт...
Когда же юноша входил
Порой пред ним в азарт,

Он непокорность порицал,
Как истый бюрократ...
И на виновного бросал
Молниеносный взгляд...

1858

СТРАННИК

То мит меня мой страннический путь.
Хотелось бы под вечер на покой,
Хотелось бы на дружескую грудь
Усталою прикинуть головой.

Была пора — и в сердце молодом
Кипела страсть, не знавшая преград,
На каждый бой с бестрепетным челом
Я гордо шел, весенним грозам рад.

Была пора — огонь горел в крови;
И думал я, что песнь моя сильна,
Что правды луч, что луч святой любви
Зажжет в сердцах озлобленных она.

Где ж силы те, где бодрость прежних лет?
Сгубила их неравная борьба;
И пустота, бесплодной жизни след,
Ждет неизбежная, как древняя судьба.

Пора домой! Не опоздать бы мне,
Не заперты ль ворота на запор?
И огонек мерцает ли в окне,
Маня к себе усталый, грустный взор?

Отворят ли с улыбкою мне дверь?
Услышу ли я ласковый привет:
«Не одинок, не странник ты теперь;
Ты отдохнешь, любовью согрет...»

1858

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нем сирень;
От черемухи душистой
И от лип кудрявых тень...

Правда, нет в нем бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пестрые головки
Возвышает мак один.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых,
С тенью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
Вкруг черемухи жужжат.

А когда на садик сыплет
Блеск лучей своих луна,
Я сажусь в раздумьи тихом
У открытого окна.

Посребренных и дрожащих
Листьев я внимаю шум,
И, одна другой сменяясь,
Грезы мне волнуют ум.

И несут на крыльях легких
В мир иной меня оне...
Как сияет ярко солнце
В той неведомой стране!

Нет вражды под этим солнцем,
Нашей лжи вседневной нет;
Человека озаряет
Там любви и правды свет!

Все, что истины пророки
Обещают нам вдали,
Люди в братстве неразрывном
Навсегда там обрели...

О, как сладки эти грезы!
Разрастайся ж, расцветай,
Ты, мой садик, и почаще
На меня их навевай.

Еще один великий голос смолк,
Правдивый голос обличенья!
Но где же слезы сожаленья?
Лишь дети лжи, поднявши буйный толк,
Глумятся над великой тенью.

Давно ль он словом пламенным карал
Тебя, изнеженное племя?
Давно ль любви и правды семя
В сердца людей так щедро он бросал?
Иль позабыто это время?

Недолго волновала вас
Тех слов пророческая сила;
Дымятся снова злу кадила;
И все, о чем вещал пророка глас,
Корысть и пошлость поглотила!

Но деиѣ придет — и стихнет клевета,
И, вместо криков озлобленья,
В тот день великий возрожденья
Услышит дух поборника Христа
Толпы людской благословенья!

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни. . .

А. Пушкин

Была пора: своих сынов
Отчизна к битве призывала
С толпой несметною врагов,
И рать за ратью восставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолк орудий страшный гул;
И, отстояв свой край родимый,
Народ великий отдохнул.
Отчизна вышла невредима
Из той борьбы. . . как в старину —
В иную славную войну.

И вот опять она зовет
Своих сынов на бой упорный,
Но этот бой уже не тот. . .
Со злом и тьмой, с неправдой черной
Она зовет теперь на бой,

Во имя истины святой!
Не страшен нам и новый враг,

И с ним отчизна совладеет...
Смотрите! уж редет мрак,
Уж свет повсюду проникает,
И, содрогаясь, чувствует зло,
Что торжество его прошло.

1858

МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ

(Из Роберта Пруца)

Нет! вы нас понять не в силах...
Мы вас тоже не пойдем.
Так расстанемся — и каждый
Пусть идет своим путем.
На челе у вас морщины,
Веет холодом от вас.
Вы и сами говорите,
Что огонь в груди погас. .
Мы же юны, сильны, пылки,
В нас кипит отвагой кровь;
Тут союза быть не может,
Тут не прочная любовь!

Без вражды, без тени злобы
Мы «прости» вам говорим;
Перед вашей сединою
Мы колена преклоним.
Но зачем у вас при виде
Свежих юноши ланит
И кудрей густых и черных
Душу тайный страх томит?
И у вас вилися кудри,

И у вас был смелый взгляд...
Эти кудри побелели,
Эти взоры не горят!

И уж иначе глядите
Вы давно на божий свет.
Предаете вы позору
Все, чем юный дух согрет.
Только жалобы, да пени,
Да киванье головой!
Осужденья тем, кто вышел
Безбоязненно на бой!
Мы же бешено так рвемся:
Жаждем дела и борьбы;
И страданья и волненья
Просим жадно у судьбы!

Мы стоим на перепутьи;
Разойтись пора пришла.
Вам цветущие долины —
Нам подводная скала!
Отдыхайте же, как предки,
Под журчанье ручья,
Убаюканные сладко
Звонкой песнью соловья.
Но никто воспоминанья
Жизни прошлой не буди...
Или кровью обольется
Сердце в старческой груди!

Ты ж, вселюбящая юность,
Поражая силу зла,

Шествуй твердою стопою,
Вдохновенна и светла!
Для грядущих поколений
Воздвигашь здание ты...
И где б ни были мы, в сердце
Сохраним твои мечты.
Пусть старик спокойно дремлет...
Нам же, бог, пошли одно:
Чтобы юными в могилу
Лечь нам было суждено!

1859

ПЕСНЯ

(Из Шевченко)

Полюбила я
На печаль свою
Сиротинушку
Бесталанного.
Уж такая мне
Доля выпала!
Разлучили нас
Люди сильные;
Увезли его,
Сдали в рекруты...
И солдаткой я,
Одинокой я,
Знать, в чужой избе
И состареюсь...
Уж такая мне
Доля выпала.

1860

Нет, лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом.
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством!
Нет, лучше в темную могилу
Унести безвременно с собой
И сердца пыл, и духа силу,
И грез безумных, страстных рой,
Чем променять на сон отрадный
И честный труд и честный бой
И незаметно в тине смрадной,
В грязи увязнуть с головой!

1861

О, не забудь, что ты должник
Того, кто сир, и наг, и беден,
Кто под ярмом нужды поник,
Чей скорбный лик так худ и бледен,
Что от небес ему одни
С тобой даны права святыя
На все, чем ясны наши дни, —
На наши радости земные!

И тех страдальцев не забудь,
Что обрели венец терновый,
Толпе указывая путь, —
Путь к возрожденью, к жизни новой!
И пусть в дому твоём найдут
Борьбой измученные братья
Забвенье мук, от бурь приют
И брата верные объятья!

1861

ОТЧИЗНА

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душе моей печальной;
Когда-то, в дни моей умчавшейся
весны
Манил меня чужбины берег
дальний...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисует всё блестящие картины:
Я вижу свод небес прозрачно-
голубой,
Громадных гор зубчатые вершины...

Облиты золотом полуденных лучей,
Казалось, мирт, платаны и оливы
Зовут меня под сень раскидистых
ветвей,
И розы мне кивают молчаливо...

То были дни, когда о цели бытия
Мой дух среди житейских облыщений
Еще не помышлял...
И, легкомыслен, я
Лишь требовал у жизни наслаждений.

Но быстро та пора исчезла без следа,
И скорбь меня неожиданно посетила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдруг стало ей и дорого и мило.

Покинул я тогда заветную мечту
О стороне волшебной и далекой...
И в родине моей узрел я красоту,
Незримую для суетного ока...

Поля изрытые, колосья желтых нив,
Простор степей, безмолвно величавый;
Весеннею порой широких рек разлив,
Таинственно шумящие дубравы.

Святая тишина убогих деревень,
Где труженик, задавленный невзгодой,
Молился небесам, чтоб новый, лучший день
Над ним взошел — великий день свободы.

Вас понял я тогда, и сердцу так близка
Вдруг стала песнь моей страны родимой —
Звучала ль в песне той глубокая тоска
Иль слышался разгул неудержимый.

Отчизна! Не пленишь ничем ты чуждый
взор...

Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто сам рвался на волю и простор,
Чей дух носил гнетущие оковы...

Юность, юность, где же ты?
Где эта пылкая отвага
И вдохновенные мечты?
Готовность где — во имя блага,
Покинув все, семью и дом,
Итти на битву с мощным злом?

Их нет давно!.. И нету сил
На подвиг трудный и суровый;
Как раб, что много лет носил
Неволи тяжкие оковы,
Я духом слаб, я изнемог, —
Сломил меня железный рок!

Лишь одного житейский гнет
Убить в душе моей не в силах, —
Одно в ней только не умрет,
Хотя и будет в этих жилах
Струиться старческая кровь:
К отважной юности любовь!..

Когда, толпясь вокруг меня,
Кипит младое поколение,
Иного, радостного дня
Рассвет я вижу в отдалении
И говорю с восторгом я:
«Бог помочь, братья и друзья!

Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая пред толпой,
Бросать камнями готовой
В того, кто сон ее смутит,
Чья речь, как божий меч, разит.

Бог помочь, братья и друзья!
Когда ж желанный день настанет,
Пусть ваша дружная семья
Отживших нас добром помянет;
Нас всех, чья молодость прошла
В борьбе с гнетущей силой зла!»

1862

Честные люди, дорогой тернистою
К свету идущие твердой стопой,
Волей железною, совестью чистою
Страшны вы злобе людской!

Пусть не сплетает венки вам победные
Горем задавленный, спящий народ, —
Ваши труды не погибнут бесследные,
Доброе семя даст плод.

Сбудутся ваши святые желания,
Хоть не дожидаться поры этой вам
И не видать, как все ваши страдания
Здесь оголятся врагам.

Вестники правды, бойцы благородные.
Будете жить вы в правдивых сердцах,
Песню могучую люди свободные
Сложат о ваших делах...

1863

Иль те дни еще далёки,
Далека еще пора,
Вами зримая, пророки,
Провозвестники добра?

Скоро ль сменится любовью
Эта ненависть племен
И не будет братской кровью
Меч народов обагрён?

Скоро ль мысль, в порыве смелом,
Лжи оковы разобьёт?
Скоро ль слово станет делом,
Дело даст обильный плод?

Скоро ль разума над силой
Мир увидит торжество,
Или мы сойдем в могилы
Только с верою в него?

Засветись, о день счастливый!
Разгони густой туман,
Что лежит еще на нивах
Стольких сном объятых стран!

1867

СТАРИКИ

Вот и опять мы, как в прежние годы,
Старый товарищ, беседу ведем,
И прожитые когда-то невзгоды
Смутным каким-то нам кажутся сном.

Сколько мы лет не видались с тобою!
Сколько воды с той поры утекло...
Старость, подкравшись к нам тихой
стопою,
Избороздила обоим чело.

Пламень, горевший в глазах, потушила,
Снегом обсыпала волосы нам.
Где наша бодрость, отвага и сила?
Видно, они не подстать сединам!

Помнишь, товарищ, минуту разлуки?
Весело вдаль мы глядели тогда;
Жали друг другу с улыбкой мы руки,
Грозная нас не страшила беда.

Мы говорили друг другу, прощаясь:
«Скоро желанное время придет;
Сбудется все, что толпа, издеваясь,
Бредом, мечтаньем нелепым зовет».

Веруя в силу свободного слова,
Думали мы, что могучая рать
Ринуться в битву с неправдой готова, —
Стоило только ему прозвучать.

Что же ты вдруг покачал головою?
Что улыбнулись так горько уста?
Молодость нас обманула с тобою...
Совесть зато у обоих чиста.

Бедны мы оба, в потертой одежде;
Много от нас отшатнулось друзей.
Пусть их! Но сердце в нас бьется, как
прежде,
Верой горячей в добро и людей.

Пыл нетерпенья в душе охладили,
Свергли немало кумиров года;
Но и кумирам толпы не кадили
В чаяньи благ мы земных никогда.

С пеной у рта не бросали камня
В юность кипучую, если, полна
Гордой отваги, в пылу увлеченья,
Нас за ошибки корила она.

Знаем мы оба, как время настанет
Нам от житейских трудов отдохнуть,
Лихом она стариков не помянет,
Скажет: они пролагали нам путь.

Так-то, товарищ! Разбитым и хилым,
Нам остается глядеть в стороне,

Как нарождаются новые силы,
Как на борьбу выступают оне

Да, вспоминая прожитые годы,
В сердце суровое небо молить,
Чтоб миновали все наши невзгоды
Тех, кто пришел нас, отживших, сменить.

1873

НОЧЬ

Жалобно ветер в трубе завывает,
Ночь неприветная смотрит в окно;
Маятник мерно стучит, догорает
Бледный ночник; в доме спят все давно.

Мне одному этой поздней порою
Сон не смежает тяжелых ресниц;
Прошлого тени встают предо мною,
Много знакомых мне вспомнилось лиц.

Вспомнились те, что когда-то так смело
Вышли на битву с неправдой и злом,
Делу благому отдавшись всецело,
Перед толпой не склоняясь челом.

Те, что, отвергнув все блага мирские,
Честную им нищету предпочли;
В ком ни обман, ни гоненья людские
Веры в добро умертвить не могли.

Где-то теперь вы? О, пусть ваше слово
Нам прозвучит в эту темную ночь...
Пусть оно силу на подвиг суровый
Даст нам, готовым в борьбе изнемочь.

Зов наш услышьте средь тьмы
беспроглядной,
Нужен усталым ваш братский привет;
Гаснет их вера; увидеть отрадный
Взоры не чают рассвет!

1874

Расстался я с обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны!
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навек они унесены.

Казалось мне, что нет уж к ним возврата,
Смирился я пред силой роковой;
За что страдал, боролся я когда-то —
Все я признал несбыточной мечтой.

Казалось, впрок пошли мне наставленья
Тех мудрецов, что, мне бедой грозя,
Твердили: «Брось безумные стремленья!
Порочный мир пересоздать нельзя.

Пусть он коварной лжи опутан сетью, —
Не твой картонный меч ее прорвет,
Перешибить нельзя обуха плетью:
Живи же так, как большинство живет!»

И годы шли: и в жилах кровь все стыла,
В душе все гасла вера в идеал...
И афоризм: «солому ломит сила»
Порывы дум кипучих охлаждал...

Но отчего ж, когда, порою, снова,
Средь мудрецов с остывшею душой,

Из юных уст восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,

На честный бой, во имя тех забытых
Безумных грез... О! отчего тогда
Вдруг на моих поблекнувших ланитах
Румянец вспыхнет жгучего стыда!

И отчего так сильно сердце бьется,
Как билось в дни весны моей оно,
И к жизни вновь все просится и рвется,
Что в глубине его погребено?

Или, когда о наглом ликованьи,
О торжестве неправды слышу я, —
Зачем во мне кипит негодование
И злобы так полна душа моя!

И кажется мне псшлостью бездушной
Вся эта мудрость опытных людей,
Которой я принес, как раб послушный,
Вас в жертву, грезы юности моей!..

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОРОД

Да, я люблю его, громадный, гордый град,
Но не за то, за что другие;
Не здания его, не пышный блеск палат
И не граниты вековые
Я в нем люблю, о нет! Скорбящею душой
Я прозреваю в нем иное —
Его страдание под ледяной корой,
Его страдание больное.

Пусть почву шаткую он заковал в гранит
И защитил ее от моря,
И пусть сурово он в самом себе таит
Волненье радости и горя,
И пусть его река к стопам его несет
И роскоши и неги дани, —
На них отпечатлен тяжелый след забот,
Людского пота и страданий.

И пусть горят светло огни его палат,
Пусть слышны в них веселья звуки —
Обман, один обман! Они не заглушат
Безумно-страшных стонов муки!

Страдание одно привык я подмечать,
В окне ль с богатою гардиной,
Иль в темном уголку, — везде его печать!
Страданья уровень единый!

И в те часы, когда на город гордый мой
Ложится ночь без тьмы и тени,
Когда прозрачно все, мелькает предо мной
Рой отвратительных видений...
Пусть ночь ясна, как день, пусть тихо все
вокруг,

Пусть все прозрачно и спокойно, —
 В покое том затих на время злой недуг,
 И то прозрачность язвы гнойной.

1845, январь 1

Когда колокола торжественно звучат,
Иль ухо чуткое услышит звон их дальний,
Невольно думою печальною объят,
Как будто песни погребальной
Веселым звукам их внимаю грустно я,
И тайным ропотом полна душа моя.

Преданье ль темное тайник взволнует груди,
Иль точно в звуках тех таится звук иной,
Но, мнится, колокол я слышу вечевой,
Разбитый, может быть, на тысячи орудий,
Властям когда-то роковой.

Да, умер он давно, замолк язык народа,
Склонившего главу под тяжкий царский
кнут;
Но встанет грозный день, но воззовет
свобода;
И камни вопли издадут,
И расточенный прах и кости исполина
Совокупит опять дух божий воедино.

И звучным голосом он снова загудит,
И в оный судный день, в расплаты час
кровавый,

ОРУЖИЕ

(Ребенку)

Сынок отважного бойца,
Малютка милый, шаловливый,
Не тронь оружие отца:
Оно опасно, хоть красиво.

Пускай блестит, пускай звенит —
Не обращай на то вниманья.
Оно, как друг, к себе манит,
Но даст потом, как враг, страданья.

Не тронь его до дальних дней...
Ты будешь сильный и проворный,
И загремит в руке твоей
Оно игрушкой покорной.

А я молюсь, чтобы тогда
Оружья всем игрушкой были:
Чтоб зверство, горе и вражда
Ни лиц, ни стали не томили

ЧЕЛОВЕК В ДУХЕ ВЕКА

Одет по последней он моде,
В театре бросает цветы,
И множатся страшным прогрессом
Его долговые листы.
Гремит он пирами своими,
Хорошее любит вино
И тянет оброк непомерный
С крестьян, разоренных давно.
Страдальцу и нищему брату
Копейки он медной не даст;
Зато на концерт в пользу бедных
Билетов две сотни раздаст.
О всем судит резко и скоро,
Сомнения не знает ни в чем
И что утверждал за минуту,
Готов опровергнуть потом.
О чести, душе, благородстве
Наскажет вам тысячу слов.
Пред тем, в ком имеет он нужду,
На всякую низость готов.
О пользе всеобщей, о благе,
Как древний оратор, речист;

Катон на словах, он на деле
Всегда и во всем эгоист.
С улыбкой, с приязнью во взгляде
Он скромн, как ангел, на вид,
А маску сними, так под маской
Скрывается в нем иезуит.

1847

СВАДЬБА

...Храм божий полон был народом.
Венчался кто-то... Хороводом
Стояли все вокруг молодых
И, любопытными глазами
Впиваясь нагло в лица их,
Менялись пошлыми словами.
Жених был лысый и седой,
Но красовались на шее
И на груди его крутой
Усердьем взятые трофеи.
Невеста бледная его
Была прекрасна, но с тоскою
Она глядела на того,
Кто был назначен ей судьбою
На долгий путь проводником
И властелином, и тайком
Она вздыхала. Тяжела
Ей, видно, будущность была.
Свечу венчальную держала
Она дрожащею рукой,
И с глаз, одна вслед за другой,
Порой слезинка упадала
На пышный кружевной убор
Ее богатого наряда.

Случайно отыскал мой взор
Еще свидетеля обряда:
Печальный, пасмурный, стоял
Он за толпою одиноко,
И было видно, как страдал
Он безутешно и жестоко.
Я понял все...

.

1847

СТАРУХА

У церкви дом старинный;
Кругом туман и мрак;
На площади пустынной
Чуть слышен лай собак.

Под лестницей крутою
Чуть светится одно,
Над самою землею,
Вспотелое окно.

Уж свечка догорает,
В каморке чад и жар,
Шумит и напевает
К погоде самовар.

Налита вёрхом кружка,
От чая пар валит...
И вот, вздохнув, старушка
Соседке говорит:

«Весь век трудом живу я,
Без гроша за душой;

Куда как, погляжу я,
Стал дорог хлеб чужой!

А лишнюю деньжонку
Хотелось бы скопить...
Родимую сторонку
Пред смертью навестить.

Ни слуху нет, ни духу
Оттуда от родных:
Забыли все старуху,
Да я-то помню их.

О господи владыко!
Фадеевна, мой свет!
Не малое толико
Я натерпелась бед.

Про счастье мне гадала
Одна ворожея;
Но счастья не знала
И в молодости я.

В года неурожая
От барыни моей
Взяла меня чужая
В счет долга, — в сто рублей.

Шестнадцать лет мне было,
Рыдала вся семья,
И все, что слез хватило,
Все выплакала я.

Тогда иное дело:
Румянец вдоль щеки,
Коса до пят висела,
Глаза — как угольки!

Ну, вот меня и взяли;
И, первую порой,
Ласкали, баловали.
Шутили надо мной.

Такая жизнь, казалось,
Была б и не худа...
Так барыня попалась
Такая, что беда!

Уж я ль не угождала?..
Да кто ей угодит:
Побьет меня, бывало,
А плакать не велит.

Охотник до бабенок,
Красивенький собой,
У барыни барчонок,
Племянник жил родной.

Недолго дожидался
И со второго ж дня
Ко мне он привязался,
Стал сманивать меня.

И тут... сказать примерно...
Случился грех такой,

Фадеевна, как, верно,
Случалось и с тобой.

Что ж лучшего барчонку
И в ум могло притти,
Как сманивать девчонку?..
О господи, прости...

Но барыня дознала,
Пронюхала о всем,
К допросам затаскала,
Замучила стыдом.

И вот как порешили:
В барчонке будет прок,
Барчонка похвалили,
А девку — на оброк!

Так смолоду досталось
Мне по свету гулять;
Чего уж не случалось...
Всего не рассказать.

Подчас про то, что было,
И вспомнить-то смешно:
Ведь замуж выходила...
Да, знать, не суждено!..

И точно, уж какова
Имела женишка!
У князя Салтыкова
Служил за денщика.

И рослый и румяный,
Пивал... да кто ж не пьет?
Гляди-ка, муж Татьяны...
Запоем целый год!

Но вот француз проклятый
К Москве стал подступать:
Жених мой взят в солдаты,
С тех пор и не слышать.

Да... много натерпелась
И горя и хлопот,
Зато уж насмотрелась
Я в жизни на господ.

Как вот у Покрова я
Тогда еще жила,
Так притча-то какая,
Подумаешь, была.

У барышни-сиротки
Деньжонок кой-каких
Сыскалось после тетки, —
Сыскался и жених.

За что любить-то было —
Картежник он и мот;
А уж ведь как любила,
Бывало, плачет — ждет...

Как восковая выйдет
Под вечер на крыльцо,

Но чуть его завидит,
И вспыхнет все лицо.

Зашутит, засмеется...
Зато, глядишь, потом,
Прощаться как придется,
Повиснет вся на нем.

Иль на коленки станет,
Одежду-то за край
Ухватит — и пристанет:
«Голубчик, не играй!»

И плачет, горько плачет...
Да плачь себе хоть век —
Такой уж камень, значит,
Был этот человек.

В комоде все обшарил,
Последний грош стянул
И барышню оставил,
Девуцу обманул.

Недолго горевала
Голубушка моя:
Закашляла, завяла,
Почесть, с того же дня.

Вся стаяла; зимою
Ходила чуть жива
И кончилась весною,
Как тронулась Нева.

Да это что! И хуже
Видали мы дела:
Как барыня при муже
С аптекарем жила.

Не крайность и не голод,
Смешно и грех сказать...
А что ж, что муж не молод!...
Самой за тридцать пять.

Зато, поди как ловко
Вела себя... придет,
Бывало, да головкой
К нему и припадет.

В слезах, целует руки,
В глаза ему глядит...
Смотреть на эти штуки —
Так просто затошнит.

Да мне нужда какая!..
А мужу — невдогад,
Что на себе, играя,
Чужих возил ребят.

Что людям на потеху
Жену рядил в атлас...
Что с этим было смеху,
Фадеевна, у нас!

Но раз, когда стемнело,
Наш барин той порой

Хворал... под осень дело.
С ним дядя жил родной...

Уж как проведаль дядя —
И бог весть, только, ну...
Вдруг слышим, на ночь глядя,
Как взялись за жену...

Как взвизгнет в кабинете
Она!.. Как зарыдал
Наш барин!.. даже дети
Проснулись... Он кричал:

«Ух!.. Дети!.. Не вводите!..
Прочь! Вон детей чужих...
Змея!.. Да оттащите
Ее от ног моих!»

Кровь горлом; разослали
Людей, и до утра
За ночь перебывали
С Москвы все доктора.

За ночь глаза ввалились,
Осунулось лицо;
Гробовщики ломились
С утра уж к нам в крыльцо.

К заутрене звонили,
Я помню... дождик шел...
Как барина обмыли,
Обмыли... и на стол.

Так вот дела лихие!..
О господи!.. беда,
Подумаешь, какие
Бывают господа!

И много я видала...
Да что! — В последний год
Сама уж оплошала,
И память выдает.

Совсем, совсем хилею.
И смотришь, тут как тут,
Чуть только заболēju,
Извозчика наймут...

И я возьму, в тряпицу
Гроши свои сберу,
Свезут меня в больницу,
Да там я и помру!»

Конец 50-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихи поэтов-петрашевцев впервые были изданы в сборниках большой и малой серий «Библиотеки поэта» в 1940 году. Эти книги были составлены и прокомментированы В. Л. Комаровичем, погибшим во время блокады Ленинграда. Для того чтобы разыскать в многочисленных газетах, журналах и сборниках поэтическую продукцию забытых авторов, В. Л. Комарович просмотрел всю периодическую печать 40-х и частично 50-х годов. Эта задача осложнялась тем, что из всех поэтов — членов кружка Петрашевского только один Плещеев издавал свои стихи в виде отдельных сборников. Произведения остальных авторов никогда не собирались вместе и не переиздавались.

Настоящий сборник составлен на основе изданий 1940 года. В приложении помещены стихи поэтов, близких к кружку петрашевцев. Тексты расположены в хронологическом порядке.

А. П. БАЛАСОГЛО

Александр Пантелеймонович Баласогло был личным другом Петрашевского, он начал посещать его с 1845 года. На одном из

собраний (в 1848 г.) он произнес речь на тему о семейном счастье в духе идей социалистов-утопистов; в другой раз он читал отрывки из своего сочинения «Об изложении наук». В своих показаниях следственной комиссии по делу петрашевцев Баласогло называл себя «фурьеристом». Эти показания, названные самим автором «Исповедью», представляют любопытный исторический документ и служат источником биографических сведений о нем.

Баласогло родился в 1813 году, в Херсоне. Его отец, обрусевший грек, был лейтенантом Черноморского флота, а позже — интендантским генералом. В 1826 году также во флот был зачислен и сын. В 1835 году он вышел в отставку и поступил на штатскую службу. Начиная с 1840 года и до самого ареста по делу петрашевцев он служил в главном петербургском архиве министерства иностранных дел. В «Исповеди» Баласогло рассказывает историю своих служебных и житейских неудач, которые сделали из него «беспокойного» и «лишнего» человека, как он сам себя называет. Видимо, эти же причины породили его недовольство действительностью и интерес к социально-утопическим теориям.

Литературные склонности Баласогло проявились еще в детстве. «Одна поэзия всегда была мне ясна и понятна, — писал он в «Исповеди», — одна она составляла единствен-

ное утешение в моей горестной жизни». Идейные искания вызвали его интерес к Веневитинову и его крѹжку так называемых «любомудров» (он с увлечением читал журнал «Московский вестник», бывший органом этого кружка), а позднее привели его в ряды петрашевцев.

В 1838 году Баласогло издал сборник «Стихотворения Веронова». Первая половина стихов, вошедших в эту книгу, принадлежит некоему архитектору Нореvu, вторую половину составляют стихи самого Баласогло, всего 32 пьесы, три из которых воспроизводятся в настоящем издании.

Дошедшее до нас поэтическое наследие Баласогло исчерпывается стихотворным посланием А. Н. Вульф и сборником «Стихотворений Веронова».

Повидимому, к концу 30-х годов относится сближение Баласогло с семьей Вульф, известных друзей Пушкина. В этой семье он встретил интерес и сочувствие к своим поэтическим опытам. Анне Вульф, старшей дочери П. А. Осиповой, соседки Пушкина по псковскому имению, он посвятил большое стихотворное послание, где выражено чувство преклонения перед Пушкиным, в котором Баласогло видел национальную гордость России.

Арестованный вместе с другими петрашевцами в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года, Баласогло был освобожден из крепости в но-

ябре того же года и назначен на службу в Олонецкую губернию, где по поручению местного губернатора занимался собиранием этнографических и статистических материалов.

Возвращение. Строка «Где б ум был волен...» в издании «Стихотворения Веронова» содержит цензурный пропуск, замененный многоточием. Учитывая размер и рифму (к «странствовал»), В. Л. Комарович предположительно восстановил эту строку так: «Где б ум был волен, где б царь не тиранствовал». С еще большей долей вероятности можно предположить, что эта строка должна заканчиваться словами: «...где б деспот не властвовал». «...А нам — лишь росла б трын-трава!» — эта строка, видимо, содержит намек на известную песню Рылеева:

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы...

А. Н. В. («Я был тогда еще ребенок»). Под инициалами, стоящими в заголовке, очевидно, имеется в виду Анна Николаевна Вульф, так как из текста послания видно, что оно обращено к женщине (например: «не я, а он кадил бы вам»).

«И в городке глухих невежд» — имеется в виду Херсон, где Баласогло родился и про-

вел детские годы. «Весь Тучков» — торговый посёлок при крепости Измаил (Бессарабия), где, повидимому, жил автор. «Злой «Инвалид» хромал бездомно...» — газета «Русский инвалид», которую с 1822 года редактировал А. Ф. Воейков, автор известной сатиры «Дом сумасшедших», отличавшийся невзрачной наружностью и хромотой. «Зачем, зачем они хоронят...» — эти и следующие строки поэмы представляют собой свидетельство очевидца похорон Пушкина. «И, может быть, еще досель...» — имеется в виду поэт Языков, живший в ту пору за границей. В заключительной части поэмы, начиная со строки «И мог ли думать я, читая...», Баласогло пересказывает соответствующие места из стихотворения Языкова «Тригорское» (1826), посвященного матери А. Н. Вульф — П. А. Осиповой.

А. И. ПАЛЬМ

Александр Иванович Пальм родился в 1822 году в городке Краснослободске Пензенской губернии в семье лесничего. Мать его была крепостной. Пальм служил в Петербурге в Гвардейском егерском полку, где дослужился до чина поручика. Он познакомился с Петрашевским в августе 1847 года и с тех пор стал посещать его «пятницы». На следствии он заявил, что до знакомства с Пет-

рашевским «не имел никакого понятия о социализме и либерализме... Понятиям о социализме обязан Петрашевскому... и социальные идеи, как новость... нравились». Пальм посещал также собрания у петрашевца Спешнева, где присутствовал при чтении Н. П. Григорьевым своей «Солдатской беседы». Во время следствия его обвиняли также в том, что он присутствовал при чтении «преступного письма литератора Белинского» к Гоголю.

Пальм был близко знаком с петрашевцем С. Ф. Дуровым. Историю своего сближения с ним он рассказал позднее в романе «Алексей Слободин», где Пальм вывел самого себя под именем Андриюши Морица, «восторженного почитателя Жорж-Занд», которой он посвящал стихи. Автобиографические черты есть и в образе самого Алексея Слободина; знаменателен его интерес к бунтарской народной стихии; безграмотная мать Алексея с ее бессознательной симпатией к Пугачеву — мать самого Пальма.

Арестованный вместе с Дуровым и другими петрашевцами в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года, Пальм был приговорен к «смертной казни расстрелянием», но ввиду принесенного раскаяния «в необдуманных поступках» его помиловали и присудили только к переводу из гвардии в армию.

Поэтическая деятельность не занимала большого места в жизни Пальма. В печати

1843—1847 годов он опубликовал немногие свои стихотворения, позднее же стихов не печатал, перейдя к прозе. Его роман «Алексей Слободин», выдержавший несколько изданий (последнее из них выпущено «Молодой гвардией» в 1931 г.), содержит живую характеристику виднейших представителей кружка петрашевцев. Именно поэтому до 1905 года роман не допускался «к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях». Умер Пальм в 1885 году. До конца жизни он оставался под полицейским и цензурным надзором; одна из его повестей была запрещена цензурой перед самой смертью автора.

О п у с т е л ы й д о м. Это стихотворение было напечатано в «Литературной газете», 1843, № 15. В этом же номере в статье «Журнальная амальгама» Федор Кони приветствовал появление «нового поэта г. Пальма», у которого «весьма замечательное дарование», «много теплоты», «много простоты в изложении».

«К о г д а г л я ж у н а г о р о д с к и е з д а н ь я». В рецензии на сборник «Метеор» (1844), в котором было опубликовано это стихотворение, «Литературная газета» приводила его в качестве одного из лучших произведений сборника. Тема большого города и присущих ему социальных против-

речий характерна для лирики петрашевцев; она звучит, например, в единственном сохранившемся стихотворном отрывке петрашевца Катенева:

Прости, великий град Петра,
Столица новая разврата,
Приют цепей и топора,
Мучений, ненависти, злата...

Русская песня. Песня, которой посвящено это стихотворение, — разбойничья; разбойничеству здесь придан характер социального протеста. Об этом свидетельствует эпиграф, представляющий собой первый стих той песни, которую поют разбойники в «Дубровском» и пугачевцы в «Капитанской дочке» у Пушкина. Мотив народной песни приобретает здесь революционный смысл, так же как и в стихотворении Некрасова «Не гулял с кистенем я в дремучем лесу», написанном годом позднее (1846).

Последняя строка стихотворения, замененная многоточием, вычеркнута цензурой. Можно думать, что эта строка кончалась словом «оковы» (рифма к «дубровы»).

Отрывок из рассказа. Отрывок написан весьма редкой для русской поэзии строфической формой — терцинами. Строка «завонил Валдая дар» представляет собою перифраз из известной песни Федора Глин-

ки «Тройка» («И колокольчик, дар Балдая...»)

«И одного еще мы проводили». Стихотворение извлечено из романа Пальма «Алексей Слободин». Речь идет, повидимому, о неожиданной смерти близкого к кружку петрашевцев критика Валериана Майкова, умершего летом 1847 года.

Д. Д. АХШАРУМОВ

Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов родился в Петербурге в 1823 году в семье известного военного историка. В 1846 году окончил восточный факультет Петербургского университета. В университете он познакомился с петрашевцем Ипполитом Дебу, который оказал большое влияние на формирование его взглядов. «С ним вместе, — писал Ахшарумов, — разрушены окончательно мои предрассудки: религиозные, нравственные и политические. Мы говорили часто, особенно он, о Франции, об ученых тамошних, о речах Тьера против Гизо; читали запрещенные книги... В последнее время от него же получил я социальные книги, которые дали мне новый взгляд на жизнь». Дебу и ввел Ахшарумова в конце 1848 года в кружок Петрашевского. Он посещал также кружок петрашевца Кашкина, где оказался одним из самых активных и убежденных участников кружка. В сохранившихся рукописях засвидетельствована

его готовность «на все», вплоть до «восстания против правительства», «для приведения в исполнение истины». Суждения Ахшарумова о будущем социальном строе и необходимых общественных преобразованиях, по мнению комиссии, судившей петрашевцев, отличались «дерзостью и преступностью мыслей».

Арестованный вместе с другими петрашевцами в ночь с 22 на 23 апреля, Ахшарумов не выдержал одиночного заключения в крепости и обратился к Николаю I с просьбой о помиловании, в чем всю жизнь потом раскаивался. 22 декабря того же 1849 года он был выведен на эшафот и выслушал смертный приговор. Согласно окончательному приговору, он был осужден «на 4 года в военные арестанты, а потом в рядовые на Кавказ». В арестантских ротах он пробыл полтора года, а затем был переведен на Кавказ рядовым. В 1856 году вышел в отставку и поступил на медицинский факультет Дерптского университета, откуда перешел в Петербургскую медико-хирургическую академию. Окончив курс в 1862 году, он вступил на новое поприще, сотрудничал в медицинских изданиях. Его попытка опубликовать свои воспоминания сперва окончилась неудачей: книжка журнала «Русская старина» (1887) была задержана цензурой. Полностью его воспоминания были опубликованы только в 1905 году.

Почти все стихи Ахшарумова написаны во время заключения в Петропавловской крепости. В книге «Из моих воспоминаний» Ахшарумов рассказывает: «Я целый день почти говорил сам с собою вполголоса... Иногда я был в возбужденном состоянии и говорил нараспев стихами, декламируя их... Я ходил в комнате взад и вперед и... громко декламировал и потом гвоздем писал на стенах или на полях книг сочиненное». Эти тюремные стихи Ахшарумов и включил в книгу воспоминаний в качестве автобиографических документов. Ахшарумов умер в 1910 году.

«Земля, несчастная земля». Против последних десяти строк этого стихотворения Ахшарумов сделал на полях пометку: «Таким фантастическим бредом à la Fourier утешал я себя в это трудное время».

«Гора высокая, вершина чуть видна». К этому стихотворению автор сделал следующее пояснение: «Одно из стихотворений этого времени, задуманное вроде поэмы, олицетворяло восхождение, поодиночке, на гору крутую, пустынную, местами усеянную костями людей, шедших прежде нас, с соблазнами возвращения назад, в прежнюю жизнь. Стихотворение это... выражает мрачное, экзальтированное, болезненное состояние человека, истомленного долгим оди-

ночным заключением за стремления выйти из безобразной, душной окружающей нас общественной среды».

«Судьба жестокая свершилась надо мной». Стихотворение написано по пути в Херсон, где Ахшарумов служил в арестантских ротах.

Херсонь. Стихотворение написано во время пребывания в херсонском остроге, в арестантских ротах.

Н. Е. Рудыковскому. Стихотворение написано перед отъездом из Херсона на Кавказ и посвящено инженеру Рудыковскому, который был единственным человеком во всем городе, не побоявшимся принять участие в судьбе ссыльного и оказать ему «как нравственную, так и материальную поддержку».

Для характеристики политических настроений Ахшарумова в старости интересно привести отрывок из его стихотворения, написанного под впечатлением событий 1905 года и сохранившегося в его письме к В. И. Семевскому от 23 октября 1907 года:

Министров глупых циркуляры
Летят в народ, как злые кары.

.

Но слышен гул, гул громовой,
И пахнет в воздухе грозой.
Стемнело все, зарницы блещут,
Все громче слышен грозный гул,
Под громом бури затрепещет,
Проснется всякий, кто заснул.

С. Ф. ДУРОВ

Сергей Федорович Дуров, один из наиболее видных поэтов-петрашевцев, родился в 1816 году в Орловской губернии, в имении отца, полковника в отставке. Воспитывался в Петербурге, в университетском благородном пансионе. По окончании его служил чиновником в разных учреждениях, в 1847 году вышел в отставку и занимался литературным трудом. Он писал не только стихи, но и повести, очерки, критические статьи. Вместе с ним жил в это время его друг поэт Пальм, позднее изобразивший Дурова в своем романе «Алексей Слободин» под именем Григория Васильевича Рудковского.

С 1847 года Дуров начал посещать «пятницы» Петрашевского, где не раз выступал с речами. Однажды он участвовал в обсуждении вопроса о том, каким образом «должно восстанавливать подведомственные лица против власти». Дуров при этом высказался за то, чтобы «показывать зло в его начале, т. е. в законе и государе». В конце 1848 года возник самостоятельный «дуровский» кру-

жок, отколовшийся от Петрашевского и отличавшийся ярко выраженными литературными интересами. В этом кружке кроме самого Дурова принимали участие Пальм, Достоевский, Милюков, Спешнев и другие. Члены кружка придавали большое значение литературе как средству агитации, обсуждали вопрос об организации тайной типографии. Характерно, что такие документы, как письмо Белинского к Гоголю и «Солдатскую беседу» Григорьева, обсуждавшиеся на собраниях, участники дуровского кружка пытались распространять нелегальным путем в рукописных копиях.

22 декабря 1849 года Дуров выслушал смертный приговор и вместе с Достоевским был отправлен в омский острог «в каторжную работу на 8 лет». Окончательный приговор Николая I гласил: «На 4 года, а потом рядовым». О тяжелых условиях, в которые попал Дуров, отбывая четырехлетнюю каторгу, рассказано Достоевским в седьмой главе «Записок из мертвого дома»: «Я с ужасом смотрел на одного из моих товарищей (из дворян), как он гас в остроге как свечка. Вошел он в него вместе со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышел полуразрушенный, седой, без ног, с одышкой». Однако, судя по воспоминаниям современников, Дуров и на каторге сохранил свои революционные убеждения и живой интерес к поэзии.

Дуров возвратился из Сибири летом 1857 года. Он поехал в Одессу, где поселился у друга своей юности А. И. Пальма, «отогревая (как он выражался) все замороженное сибирской стужей под ласковым южным солнышком» (из некролога, написанного Пальмом). Умер он в 1869 году на руках своего друга.

По словам Пальма, «Дуров писал очень мало, и это немногое так разбросано, что трудно воспроизвести его поэтическую биографию». Действительно, его стихи дошли до нас в совершенно разрозненном виде, разбросанные по газетам и журналам. Попытка друзей собрать их в виде отдельной книги окончилась неудачей: цензура отказалась пропустить книгу стихов петрашевца. Из рукописей Дурова сохранился только автограф стихотворения «Когда трагический актер». Стихи его и в особенности переводы не раз включались в хрестоматии и собрания сочинений иностранных поэтов (Байрона, Барбье, Гюго, Беранже и др.). Полностью же стихотворные произведения Дурова были собраны впервые В. Л. Комаровичем для сборника «Поэты-петрашевцы» в большой серии «Библиотеки поэта».

В настоящий сборник включены почти все оригинальные произведения Дурова и несколько наиболее характерных его переводов.

Дант (Из Августа Барбье). Бунтарский пафос стихов Барбье находил сочувственный отклик в русской поэзии. Им интересовался Лермонтов, им увлекались и петрашевцы. Французский подлинник стихотворения «Дант» помещен был в сборнике Барбье «Ямбы и поэмы» (1842). Этот перевод Дурова — первое из известных нам его произведений и первый перевод из Барбье, появившийся в русской печати.

Из В. Гюго («Не насмехайтесь над падшею женой!»). Это стихотворение переведено Дуровым из сборника «Les chants du crépuscule» (1835). Философская и революционно-обличительная лирика Гюго 30-х годов привлекала симпатии петрашевцев. Переводы из Гюго есть у молодого Салтыкова, имя французского поэта часто упоминается в ранней переписке братьев Достоевских. В русской журналистике того времени Гюго часто называли рядом с Жорж-Занд, Бальзаком и Фурье.

Киайя. Перевод поэмы Барбье «Chiaïa» из сборника «Il pianto», Киайя — морское побережье около Неаполя. Сальватор Роза (1615—1673) — итальянский живописец, по преданию покинувший родной Неаполь, находившийся тогда под властью испанцев. Он принимал участие в народном восстании, ко-

торым руководил рыбак по имени Мазаниэло; это предание легло в основу поэтического диалога между вольнолюбивым художником и рыбаком. Стихотворение Барбье, проникнутое мечтой о свободе, приобретало актуальный политический смысл в глазах петрашевцев. «Нередко,— вспоминает А. П. Милуков в книге «Литературные встречи и знакомства», — С. Ф. Дуров читал свои стихотворения, и я помню, с каким удовольствием слушали мы его перевод известной пьесы Барбье «Киайя», в которой цензура уничтожила несколько стихов». В переводе Дурова действительно есть целый ряд пропусков.

«Когда трагический актер». Это стихотворение пользовалось широкой известностью, включалось в хрестоматии. Оно было помещено в сборнике «Новоселье» (1846), рецензируя который И. С. Тургенев писал: «Одно стихотворение г. Дурова («Когда трагический актер») было бы недурно, если бы его не портил последний куплет, совершенно лишний...»

Чердак. Перевод известного стихотворения Беранже «Le grenier». В качестве эпиграфа взяты первые две строки этого стихотворения.

Листок. Перевод известного стихотворения А. Арно «De la tige détachée», из ко-

торого взят эпиграф («Куда летишь? — Не знаю сам!»). Стихотворение написано Арно в 1815 году в связи с изгнанием его Бурбонами из Франции. Эта элегия стала своего рода поэтической формулой для выражения чувств революционера, вынужденного покинуть родную страну. В статье «Французская академия» Пушкин писал: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык...» Образ гонимого бурей листка был распространен в русской лирике и нашел целый ряд откликов у поэтов-петрашевцев.

С о с е д. Многоточием заменены две последние строки, вычеркнутые цензурой.

К р е б е н к у. Последнее четверостишие заменено многоточием, оно не было пропущено цензурой.

«Ч т о м и г — т о н о в ы е у д а р ы». Строка «Там мятежи, а здесь пожары» имеет в виду польское восстание, начавшееся в январе 1863 года, и петербургские пожары, происходившие летом 1862 года.

Н. Д. П - о й. Под инициалами имеется в виду Наталья Дмитриевна Пущина, в имени которой под Москвой Дуров некоторое время жил после возвращения из Сибири.

«Как десяти столетий было мало, чтоб в нем убить его гражданский дух», — эти слова написаны вскоре после официальных торжеств по поводу «тысячелетия России». Поэт говорит о пагубном влиянии самодержавия на развитие народа. Он исходит из ошибочной, но разделявшейся также и декабристами точки зрения на русскую историю, согласно которой призвание варяжских князей в 862 году считалось началом самодержавия и русского государства.

«Европа движется... Над ней...» Эпиграф, заимствованный из евангелия, носит здесь явно иронический характер.

Воспоминание ночи 4 декабря. Французский подлинник этого перевода заимствован из сборника В. Гюго «*Chatiments*». Этот сборник хорошо знал В. И. Ленин. В 1909 году в Париже он «охотно читал стихи Виктора Гюго «*Chatiments*», посвященные революции 48-го года, которые в свое время писались Гюго в изгнании и тайно ввозились во Францию. В этих стихах много какой-то наивной напыщенности, но чувствуется в них все же веяние революции» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. 1932, стр. 239).

Многоточие в конце обозначает непропущенные цензурой 12 строк.

«Кто стал, помимо вечных лжей».
Перевод стихотворения В. Гюго из сборника «*Les contemplations, t. II*».

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

Алексей Николаевич Плещеев родился в 1825 году. Его отец служил чиновником при архангельском, вологодском и олонiecком генерал-губернаторе. В 1843 году Плещеев поступил на восточный факультет Петербургского университета, где обратил на себя внимание ректора П. А. Плетнева (друга Пушкина, продолжавшего после смерти поэта издание «Современника»). Плетнев напечатал несколько стихотворений молодого автора в «Современнике» (1844), но вскоре охладел к нему. В одном из писем он писал: «Как эти молодые люди заражены доктриною Краевского», подразумевая под этим то направление журнала «Отечественные записки», которое было ему придано Белинским.

Вскоре Плещеев познакомился с некоторыми членами кружка русских социалистов-утопистов, а затем и в самом Петрашевском. К 1846 году относится появление первого сборника стихотворений Плещеева, в котором ярко отразились общественно-политические взгляды молодого автора. Плещеев был одним из организаторов отделившегося «ду-

ровского» кружка, ставившего себе целью конспиративную пропаганду литературы. На собраниях кружка он читал запрещенные цензурой статьи и французские газеты, а будучи в Москве, писал своим друзьям о «рукописной литературе», распространявшейся в списках, упоминал о людях, «сочувствующих нашим мыслям о способах деятельности». Тогда же он прислал из Москвы письмо Белинского Гоголю, пьесу Герцена «Перед грозой» и запрещенную пьесу Тургенева «Нахлебник». Письмо Белинского, прочитанное в кружках Петрашевского и Дурова, послужило главным поводом для обвинения Плещеева.

Приговоренный к четырем годам каторжных работ, Плещеев, однако, был 22 декабря выведен на эшафот, где стоял рядом с Достоевским и Дуровым. Окончательный приговор гласил: «Рядовым в оренбургские линейные батальоны». В январе 1850 года он был привезен в Уральск и около двух лет провел в казармах Оренбургского линейного батальона. Затем Плещеева перевели в самый Оренбург, где положение его было значительно облегчено. После нескольких лет военной службы он получил чин прапорщика, а в 1856 году вышел в отставку и находился на гражданской службе.

В 1858 году Плещеев вернулся из ссылки и возобновил старые литературные связи. Он сблизился с редакцией журнала «Со-

временник» и его руководителями, великими революционными демократами Чернышевским и Добролюбовым. В плещеевских стихах этого времени начинают отчетливо звучать некрасовские мотивы и интонации. В рецензии на первый сборник стихов Плещеева, появившийся после возвращения его из ссылки, Добролюбов писал о праве поэта «на упоминание в будущей истории русской литературы». Следующую книгу его стихов сочувственно встретил Чернышевский, с особенной теплотой отметивший пьесы, перепечатанные из раннего сборника 1846 года, и признавший за ними значительное место в русской поэзии 40-х годов.

В 1872 году Плещеев был секретарем редакции некрасовских «Отечественных записок», где заведывал также отделом поэзии. Умер он в Париже, во время заграничной поездки, в 1893 году.

Стихи Плещеева выдержали целый ряд изданий. Настоящий сборник включает в первую очередь стихи 40-х годов, характерные для настроений кружка петрашевцев. Из стихов позднейшего времени выбраны наиболее значительные вещи, типичные для бывшего петрашевца и содержащие отклики на идейные увлечения дней его молодости.

Песня странника. Перевод из немецкого поэта Ф. Рюкерта. Образ странника приобрел в поэзии петрашевцев черты

пропагандиста передовых идей. Этот мотив встречается и у Баласогло («Раздел»), и у Дурова («Странник»), и несколько раз у самого Плещеева.

Дума. В первой публикации этого стихотворения (1845) ему предшествовал эпиграф из стихотворения Беранже «Безумцы», воспевавшего утопических социалистов Сен-Симона и Фурье. Это стихотворение пользовалось большой популярностью среди петрашевцев.

Странник. Эпиграф взят из сборника стихов французского поэта Моро «Myosotis». Перевод: «Ах, когда же придет тот день, о котором я грезил, запоздалое возмещение стольких тяжелых дней? Никогда, — говорит рассудок».

Сон. Эпиграф взят из книги аббата Ламеннэ «Paroles d'un croyant» («Слова верующего»), перевод из которой читался на собраниях у Дурова. Перевод эпиграфа: «Земля печальна и иссушена, но она снова зазеленеет. Дыхание злого не будет вечно проноситься над нею, как палящее дуновение». В стихотворении нашел отражение характерный для петрашевцев образ поэта-пророка.

Поэту. Французский эпиграф — две заключительных строки из стихотворения Бар-

бье «*Toutes les Muzes glorieuses*», которым открывается сборник «Ямбы и поэмы» (1842). Перевод: «Поэт должен быть возвышенным глашатаем права и человечности». В этом стихотворении звучит мотив христианского всепрощения, отражающий слабые стороны мировоззрения Плещеева. Для него, как, впрочем, и для других петрашевцев, характерно наивно-утопическое представление о том, что пропаганда гуманистических идей («любви ученье») может примирить «богачей» и «нищих». Эту мысль можно встретить и в других стихотворениях петрашевцев, например в стихах Плещеева «Вперед, без страха и сомненья!»

Две строки многоточий заменяют стихи, выброшенные цензурой в издании 1846 года.

«Вперед! без страха и сомненья...» Это одно из самых популярных стихотворений Плещеева, которое приобрело известность под названием гимна петрашевцев. В нем четко выражены основные идеи, волновавшие умы людей 40-х годов. Добролюбов в своей рецензии отметил стихи Плещеева как «смелый призыв, полный такой веры в себя, веры в людей, веры в лучшую будущность». Чернышевский писал об этих стихах: «С особенным удовольствием перечитали мы прекрасный гимн, известный нам наизусть, — гимн, который всегда останется

прекрасной памятью скромной, но благородной литературной деятельности г. Плещеева».

О т в е т. Это стихотворение характерно для петрашевцев, ибо любовная тема разрешена здесь в духе передовых воззрений 40-х годов: настоящее чувство невозможно без единства взглядов и убеждений («Мне все суждено ненавидеть, что рабски привыкла ты чтить!»).

«К чему мечтать о том...» В первом сборнике стихотворений Плещеева три последние строки были выброшены цензурой. В Пушкинском доме Академии Наук СССР хранится экземпляр этой книги, в котором отсутствующие строки вписаны неизвестным почерком. Опубликованы они впервые В. Л. Комаровичем в издании большой серии «Библиотеки поэта» «Поэты-петрашевцы» (1940). В этих заключительных строках, которые казались кощунственными цензуре, выражено характерное для утопических социалистов наивное представление о Христе как о первом проповеднике социалистических идеалов.

Б а р а б а н щ и к. Перевод Плещеевым этого стихотворения Г. Гейне («*Doctrin*») можно рассматривать как поэтический отклик на европейские события 1848 года.

Новый год (Кантата, с итальянского). Это стихотворение Плещеева представляет собой зашифрованное приветствие участникам революции 1848 года на Западе. Подзаголовок «с итальянского» является приемом маскировки.

После чтения газет. *Кровавые страницы* — имеются в виду газеты, рассказывающие о событиях Крымской войны.

«Еще один великий голос смолк». Кому посвящено это стихотворение, выяснить не удалось.

«Была пора: своих сынов...» Эпиграф взят из пушкинских «Стансов». В первых двух строфах речь идет о Крымской войне 1853—1856 годов.

Молодость и старость. Перевод стихотворения Роберта Прутца, участника германской революции 1848 года.

«Честные люди, дорогой тернистою...» Это стихотворение, чрезвычайно значительное по своему идейному содержанию, не печаталось при жизни автора и могло появиться только в 1905 году. Оно написано во время суда над Чернышевским и посвящено ему.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В «Приложении» даются несколько стихотворений, тематически близких основному содержанию книги. Авторы этих стихотворений были в известной мере связаны с кружком Петрашевского или находились под его идейным влиянием.

Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) — известный критик и поэт, в позднейшие годы занимал позицию, враждебную революционно-демократическому лагерю и журналу «Современник»; но в эпоху 40-х годов он был знаком с Петрашевским и написал несколько стихотворений, довольно ярко отразивших настроения, характерные для поэтов-петрашевцев. Два таких стихотворения включены в сборник.

Читатель найдет здесь также два стихотворения М. И. Попова, который печатался в «Литературной газете» в 1847 году, подписываясь буквой «М».

В «Приложении» помещено и стихотворение «Оружие», анонимно опубликованное в 1846 году в журнале «Иллюстрация». Тема этого стихотворения и самое обращение поэта «к ребенку» позволяют с большой долей вероятности приписать это стихотворение перу С. Ф. Дурова.

В списке лиц, привлекавшихся к допросу по делу петрашевцев, но не подвергшихся изысканиям, значился второй из братьев

Ахшарумовых — Владимир Дмитриевич Ахшарумов (1824—1911). В 40-х годах он общался со своим братом Дмитрием, а также петрашевцами Кашкиным и братьями Дебу. Позднее одно из первых его стихотворений было одобрено Я. Полонским и Л. Толстым, после чего он впервые появился в печати; несколько его произведений опубликованы в сборнике «Весна» (1859). В 1908 году в Полтаве вышла книжка его стихов, о которой была рецензия в журнале «Русское богатство» (1909, № 2). Одно из стихотворений В. Ахшарумова приводится в настоящем сборнике.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты-истрашевцы. Статья В. Жданова. 5

А. И. БАЛАСОГЛО

Прорицание	39
Раздел	42
Возвращение	44
А. И. В. («Я был тогда еще ребенок»).	47

А. И. ПАЛЬМ

Опустелый дом	69
Освобожденный узник	71
Напутное желание	73
«Когда гляжу на городские зданья» . .	74
«Гляжу я на твои глубокие морщины» .	75
Русские картины	76
Русская песня	77
Отрывок из рассказа	79
Перед грозой	87
Обоз	89
«Напрасно прозрачные глазки твои» . .	91
«И одного еще мы проводили» . . .	92

Д. Д. АХШАРУМОВ

«Едва я на ногах — шатаюсь, как пьяный»	95
«Позором века»	96
«Земля, несчастная земля»	97
«Гора высокая, вершина чуть видна»	99
«Судьба жестокая свершилась надо мною»	103
Херсонь	105
Н. Е. Рудыковскому	107

С. Ф. ДУРОВ

Дант (Из Августа Барбье)	111
Из В. Гюго («Не насмехайтесь над пад- шею женой!»)	113
Цветок	114
Присказки	115
«Ложным приманкам не верь»	116
Сонет	117
«Вечер был светел, как день»	118
«Люблю тебя за то, что в вихре свет- ских бурь»	119
«Мы встретились — и тотчас разошлись»	120
Киайя	121
«Когда трагический актер»	130
Кручины	132
Шекспир	133
«Я как сокровище на памяти моей»	134
«Иные дни — мечты иные»	135
«С тайной, тяжелой тоской я гляжу на тебя, мое сердце!»	137
«И плакать хочется, и хочется смеяться».	139

Роза и кипарис	140
Чердак	141
Туча	143
Анакреон	144
Сонет	145
Листок	146
«Бывают дни недуга рокового»	147
В альбом графини С-кой	148
«Что в жизни, если мы не любим ни- кого»	149
«Сердце исчахло у нас от науки холод- ной»	150
«Кого любить? Кому доверить»	151
К*** (При отсылке стихов А. Барбье).	152
Портрет	154
«Жаркое чувство любви ненадолго в душе остается»	155
«Смотришь порой на нее, а мечтается, — смотришь на небо»	156
В. В. Толбину	157
«С невыразимым наслаждением»	159
«Ваш жребий пал! Счастливая пора»	160
Сосед	161
«Озябло горячее сердце мое»	162
Странник	163
«Когда, склонившись на плечо»	164
«Куда ни посмотришь — повсюду»	166
«Как весело... идти вослед толпы»	167
«Зачем забвенья не дано»	169
В альбом	170
К ребенку	171
«Что миг — то новые удары»	172

II. Д. П-ой	173
«Европа движется... Над ней»	174
Из В. Гюго («Услышав плач, я отпер дверь в лачугу»)	175
Воспоминание ночи 4 декабря	178
«Кто стал, помню вечных лжей»	180

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

Песня странника (Из Рюкерта)	183
Дума	184
Любовь певца	186
Странник	188
Сон (Отрывок из неоконченной поэмы). .	191
Поэту	194
«Вперед! без страха и сомненья» . . .	196
Ответ	198
«К чему мечтать о том, что после будет с нами»	199
Барабанщик (Из Гейне)	201
Новый год (Кантата, с итальянского) .	202
После чтения газет	204
«О, если б знали вы, друзья моей весны»	205
Птичка (Подражание Сырокомле) . . .	206
С. Ф. Дурову	207
Посвящение	208
«Много злых и глупых шуток»	209
«Дети века все больные»	212
Мой знакомый	214
Странник	218
Мой садик	220
«Еще один великий голос смолк» . . .	222

«Была пора: своих сынов»	223
Молодость и старость (Из Роберта Пруцца)	225
Песня (Из Шевченко)	228
«Нет, лучше гибель без возврата»	229
«О, не забудь, что ты должник»	230
«Отчизна»	231
«О юность, юность, где же ты?»	233
«Честные люди, дорогой тернистою»	235
«Иль те дни еще далёки»	236
Старики	237
Ночь	240
«Расстался я с обманчивыми снами»	242

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. А. Григорьев

Город	247
«Когда колокола торжественно звучат»	249

С. Ф. Дуров (?)

Оружие (Ресбенку)	251
-----------------------------	-----

М. И. Попов

Человек в духе века	252
Свадьба	254

В. Д. Ахшарумов

Старуха	256
Примечания	265

Редакционная коллегия:

**И. А. Груздев, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еюлин, Л. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов**

Редактор Б. Папковский

Художник Л. Хижинский

Техн. редактор Р. Сквирская

**М 13567. Подписано к печати 8/V 1950 г. Формат
бум. 70X108/64. Бум. л. 2,34. Печ. л. 6,42. Уч.-изд. л.
8,05. Авт. л. 7,55. Зак. № 308. Тираж 20 000.
Цена 5 р. 75 к.**

**Типография № 3 Управления издательств и поли-
графии Исполкома Ленгорсовета**

ПОЭТЫ-
ПЕТРАШЕВЦЫ

